

Т. Рили

ИСТОРИЯ С ДЕЖА ВЮ

Психоделическая исповедь

Никто никогда не мог одним шагом
взойти на верх лестницы

Иоанн Лествичник

В дежа вю более всего удивляет его скромная репутация. Вот такой психологический феномен навроде икоты (дедушка мой недавно в запое икал сутки, остановить не могли ничем, допился). Традиционные соображения психологов о причинах возникновения дежа вю, мягко говоря, поверхностны:

– пожалуй, это не связано с реинкарнациями, так как в прошлом рождении у вас не могло быть современного антуража,

– возможно, это подсознание просчитывает заранее (во сне?) возможные ситуации, и вот одна из них, многочисленных, воплощается.

Более серьёзно этим вопросом, по моим сведениям, не занимались. Если занимались, буду рад информации и ссылкам.

Я же столкнулся с явлениями столь серьёзными, что дальше двигаться просто опасюсь, ибо, по моим подозрениям, выхожу на уровень ответственности, который не вполне осознаю, «а спросят как со знающего». Необратимые психические последствия и физическая смерть на этом фоне сильно блекнут, но тоже не теряют своей нежелательности.

Более того. Об опыте, с которым я столкнулся, по моему убеждению, вообще не стоит распространять информацию. Это не тот опыт, который следует иметь, и не то знание, которое следует знать людям. Однако я берусь за это дело по двум причинам.

Первая – сочувствие тем, кто сталкивается с подобным или другим мистическим опытом в своих экспериментах с сознанием. Поскольку в современных условиях эксперименты с сознанием, мягко говоря, не принято афишировать, на данный момент в стране не существует авторитетных школ, в рамках которых различные состояния сознания легально и ответственно изучаются. Тем не менее, интерес к этому и другим сопутствующим вопросам настолько велик, что самостоятельные действия в данной области предпринимает весьма большое количество индивидов и групп людей.

Каждый здесь начинает практически с нуля. В лучшем случае он вооружён популярной литературой, рекомендациями досужих интернет-пользователей на соответствующих сайтах и помощью чуть более опытных собратьев по экспериментам. Не умаляя личного опыта каждого, должен отметить, что даже достижения одного – двух поколений практикующих трудно признать сопоставимыми с тысячелетними историями мистических учений, полноценная связь с традициями которых либо прервана, либо развивается не на местной почве, либо эти учения не приемлют новых способов изменения состояния сознания. В нашем случае фактически нет даже одного поколения исследователей, которое передало бы следующему чуть более чем минимальный реестр опасностей, связанных с подобного рода деятельностью. Соответственно, я делюсь в первую очередь не опытом и знаниями, а опасениями, что некий опыт и некие знания могут слишком легко быть приняты на веру в силу обстоятельств, сопровождающих их приобретение. Это обстоятельства непосредственного переживания. Слишком трудно не поверить собственным ощущениям, и о том, что ощущения могут быть обманчивы, в такие моменты, естественно, забываешь. Но никогда не вредно вспомнить об этом при последующем анализе и вооружиться скепсисом. («Не часто нам выпадает шанс уберечь мир от новой религии!»).

Вторая причина появления этого текста – обращение за помощью в собирании информации по вопросам, рассматриваемым в работе. Поскольку сходный опыт есть у многих людей близкого мне круга, уверен, что и другие тоже переживали нечто подобное, или

имеют на эту тему основательные соображения, или знакомы с более весомой литературой, чем та, с которой удалось ознакомиться мне.

О дежа вю в странном контексте впервые я услышал в марте 2006 года от Р. «Давайте поговорим о дежа вю» – эту фразу он повторил несколько раз с загадочным видом. Разговор оказался страшен. Это было второе в моей жизни существенное столкновение с теми психическими последствиями приёма психоделиков, которые можно назвать неблагоприятными. За полгода до этого я столкнулся с другими негативными результатами приёма той же группы веществ, именуемых также гиперстимуляторами – группа триптаминов, мескалин, фенэтиламины.

(Замечу в скобках, что с серьёзными изменениями в психике алкоголиков, опиошников и амфетаминщиков каждый из нас знаком хотя бы понаслышке).

Любопытно, что разговор, темой которого было задано дежа вю, вёлся, в основном, о вещах, напрямую к дежа вю отношения не имеющих, это был разговор о доверии трансперсональному и мистическому опыту. Для меня он был очень актуален, примерно в это время я переоценил свой мистический опыт, которому был склонен доверять, а сейчас передо мной находился пример полного доверия такому опыту. Р. был на грани, если не сказать за гранью нервного срыва и ни о чём, кроме своего конька – дежа вю – говорить не желал.

Прежде чем перейти к сути его рассказа, я хочу остановиться на собственном генезисе в данной области к тому моменту.

Мои ранние опыты с веществами, трансформирующими мировосприятие и способы мыслить, можно представить в ненаучной парадигме, которой в своё время меня очень позабавил лидер моей группы – не то чтобы я её разделял, просто мне она кажется удобной своей образностью, как, скажем, можно скептически относиться к астрологии, но прекрасно понимать, о чём идёт речь, когда говорят «они же оба Овны, вот и бодаются», без того, чтобы выслушивать описательные объяснения сходства характеров супругов в части упрямства, жажды лидерства, конфликтности, обидчивости, способа принятия решений и Бог весть чего, а затем рассказы о последствиях этого сходства.

Здесь же коротко замечу, что довольно много исследовал различные мнения на тему воздействия веществ и точно знаю, что есть люди, которые описывают свои ощущения очень близко к моим собственным, иногда даже буквально, а есть индивиды, опыт которых не соотносится с моим никак. Среди первых есть приверженцы научного метода, и сходные с моими мысли я встречал не только среди знакомых, но и в научной литературе, более того, несколько раз я самостоятельно приходил на практике к неким результатам, а потом с удивлением обнаруживал сходные во влиятельных сочинениях. Среди вторых я выделю своего ближайшего сподвижника по имени Старина – никогда никакое вещество, кроме водки, не воздействовало на нас сходно. Так что я не прошу соглашаться с этой концепцией – возможно, на вас вещества воздействуют иначе. Примите её как забавную гипотезу, *gedankenexperiment*, даже как пародию.

Подобно тому, как одна экзальтированная девушка говорила, что потреблять алкоголь больше идёт женщинам, а траву мужчинам, лидер моей группы поделил все психоделики на две категории – «женские» и «мужские».

Одни вещества вторгаются в сознание, меняют мировосприятие без санкции на то потребителя, зачастую акцентируют непознаваемость и бесконечность мира, и сам этот мир принимает весьма агрессивные черты. Другие, напротив, позволяют индивиду строить мир вокруг по своим законам, вторгаться в него, управлять его процессами, ощутить полное и ясное понимание любого объекта концентрации и его законченной гармоничной

связи с другими возможными объектами.

Первый вид веществ легче принимается женщинами в силу их женственной природы, о которой лидер моей группы всегда упоминает с особо масляным блеском в глазах, а второй больше нравится мужчинам. К первому относятся, на мой взгляд, практически все гиперстимуляторы. У меня, правда, есть некоторые оговорки относительно 2св и псилоцибина, подробнее об этом ниже. Ко второму относятся диссоциативы и в первую очередь рср, а также экстази и амфетамины.

Читателю известно, что если есть теория, подобрать подтверждающие примеры – дело времени. И действительно, я видел множество женщин, крайне плохо переносящих такие органичные для меня по воздействию вещи, как рср и экстази, в том числе и в-главных на уровне психосоматики, но с заметным удовольствием потребляющих внушительные дозы ДОБа и ЛСД. Как может быть плохо от экстази и приятно от ДОБа, мне с моей мужской природой не ощутить никогда, увы.

Это женщины, которые блевали, принимали душ в надежде попуститься и ощущали, что ванна надета им на голову, от фенциклидина, или проваливались на три часа в пустоту от скромной таблетки экстази, вещества с крайне запутанной репутацией, впрочем, о других веществах тоже бытуют весьма странные стереотипы.

Зато сколько есть прекрасных фенциклидиновых историй о юношах, обретавших невиданные способности, даже гипнотические! Один персонаж, например, съев изрядный запас РСР, пришёл домой и пожелал принять душ, но обнаружил, что горячей воды нет, при том, что на дворе зима! Он выяснил, что горячей воды нет и у соседей, и добился у соответствующих служб скорого восстановления бытового удобства, после чего к нему пришла делегация бабушек-соседей с просьбой стать старшим по подъезду. Осуществлению планов мирового господства помешало, надо полагать, только прекращение действия фенциклидина.

Собственный мой опыт в этом отношении вспоминается с умилением. Однажды мы со Старинной наелись экстази (розовые у2к) и затеяли велосипедную прогулку в Ботаническом саду, я был в прекрасном расположении духа, ему же было довольно трудно, и он убедил меня присесть на скамейку, а сам приходил в себя, прогуливаясь на полянке в поле моего зрения. За время его прогулки со мной познакомилась случившаяся рядом на скамейке бабушка, рассказала мне все обстоятельства своей жизни и нашла во мне доброго советчика, если не психотерапевта. Её проблемы стали моими проблемами, поэтому не могу не поделиться ими с читателем.

Дочь бабушки вышла замуж вторично, за отвратительного кэгэбэшника. Первый зять хороший, бабушка с ним до сих пор дружит, а второй мало того, что ужасен сам по себе, ещё и дочь подпадает под его дурное влияние. С иронией бабушка упомянула его хозяйственность в отношении её, бабушкиной, дачи, которую он активно оборудует как свою полную собственность. Но не это важно. Главное – внучка, которой не даётся родительское благословение на брак с хорошим парнем. Причина в том, что парень бедный! Бабушка собирается на свои сбережения подарить им мебель для съёмной квартиры, с условием, что дочь с кэгэбэшником не должны ничего об этом знать. Я одобрил все бабушкины соображения и благословил её на этот поступок, и действительно ведь, бабушка замечательная!

Или история, как в 2001 году под фенциклидином я случайно встретил в Москве на улице друга, которого не видел пять лет, узнал у него, что он теперь директор Натальи Медведевой, а наш общий знакомый теперь олигарх и ездит на машине с мигалкой, после чего меня отвели в ресторан дома журналистов и поили там из под полы перцовкой, а потом мы гуляли по вечерней Москве, которая была полна молодёжи с гитарами, исполняющей «Всё это рок-н-ролл», и друг усыпал афишами Натальи Медведевой центр зала станции «Библиотека им. Ленина» – невероятное сходство со сновидением, где происхо-

дящее рождается из твоего собственного подсознания, когда становятся явными и парадоксальными доселе скрытые связи между предметами дневного мира, а пространство свободнее, светлее и несоизмеримо богаче возможностями.

В другой раз я побывал в достаточно театральной роли весёлого демиурга по имени Бог-Росянка.

На дворе стоял погожий август 2001 года, и единственной моей обязанностью было 2 раза в неделю поливать цветы у отдыхающих на юге друзей Му и Пу. Растений было очень много, настоящие джунгли, и хозяйка Пу так подробно инструктировала меня на предмет ухода за ними, что остроумному хозяину Му пришлось сглаживать серьёзность обучения ремарками типа «включать на время полива Баха» или «росянку кормить мухами», хотя, понятно, ни Баха в домашней фонотеке ни росянок в домашней оранжерее не было. Так я и называл эти поездки поездками к росянкам. И как-то на досуге от этих занятий принял в спокойной домашней обстановке примерно 10 мг фенциклидину. Случилось так, что в соседней комнате в это время спали влюблённые – мои друзья.

Я был Бог-Росянка, а они мои творения, росянки, я сотворил сначала себя, потом их. Трудно было быть богом. Я с огромным трудом двигал Карту Мира (ковёр с матрасом, на котором они лежали) по Зеркальной поверхности вод (паркету), где я своих росянок культивировал. Покрывал их матрасами, являл им себя в чудесах и провидениях, пытался их спасти. Росянки плохо поддавались совершенствованию, и очень тяжело было двигать Карту Мира. Мы прошли весь путь от начала мира до безвременья и я на своей шкуре ощутил, как надоедает являть знамения, обращаться прямо, учить совершенствоваться своих тварей. Сначала очень забавно – даешь конструктор, чтобы они на простых схемах тоже научились творить, а они выдают из него потом что-то нелепое – приходится ломать и обращаться с речами, типа: «Глупые росянки! Я вас очень люблю, но вам нужно стать совершеннее, как ваш творец, нужно научиться творить самим!» А тебе в ответ брюзгливо: «Но ты же не дал нам ПиСиПи!» – «Я дал вам схему, конструктор, чтобы вы поучились» – «Чему же мы можем с ним научиться?!».

Постепенно понимаешь, что сколько ни обращай к творениям, они все равно ленятся даже встать, сделать хоть что-то, чтобы из росянок стать людьми, впадают в ересь, утверждают, несмотря на очевидное, что тебя НЕТ («мне кажется, бога нет» – голос одной из росянок, обращение к другой, из под одеял, пока ты их накрываешь дальше). Прикладываешь ли ты невероятные усилия, двигая карту мира по зеркальной поверхности своих вод или просто сидишь, не отвечая на вопросы, пока тебе орут: «Боже, боже! Ну подвигай еще карту мира!», все равно, ленивые и косные творения продолжают погрязать в самолюбовании и грехе.

Но бог сказал: «НЕТ!» и сдвинул карту мира в другую сторону.

Росянки говорят: «Почему же наш Бог если что-то и говорит, то обязательно „нет“?» – «Потому, – отвечаю – что, только сказав „нет“ всему привычному ходу вещей можно что-то изменить, только сказав „нет“ нетварному миру можно сотворить себя и двух маленьких росянок». Бесполезно. Смеются и прячутся поглубже в теплые матрасы, вместо того, чтобы сказать «нет» и возрасти.

Но бог сказал: «НЕТ!» и сдвинул карту мира в другую сторону.

Я положил на росянок столько матрасов и одеял, что они из розовых стали красные и мокрые, и умоляли немножко их открыть. «Глупые росянки! – отвечал я. – Как вам понять мой промысел! Только если я вас согрею, утеплю, вам хватит сил сказать „нет“ и попытаться сделаться людьми» – «как же мы сделаемся, если ты не дал нам завета!» В общем, только когда я просто сел, отчаявшись двигать карту мира и перестал отвечать на

вопросы творений, они сами стали пытаться что-то делать, встали хотя бы. Таким образом, историю моей религии можно было резюмировать так: сотворить еще не радость, важно творения воспитать. И тут уже проблемы. Но зато какая радость, если это удастся, пусть даже путем полного удаления от дел. Мне удалось.

О том, что удаётся людям, которыми владеют амфетамины, я даже распространяться не буду. Это выдающиеся в своём роде деятели.

Кроме описанных признаков «мужские» препараты повышают как возможности управления телом, даже некоего абстрагирования от него (можно неустанно танцевать, избегать по эскалатору, вставать на голову и сидеть в позе лотоса, даже если до этого сесть в неё не удавалось), так и чувство особой гармонии, которая концентрируется на принимающем, он может буквально придумывать мир, и мир охотно выстраивается по его лекалам. Только скажи «такси», и вот ты уже въезжаешь в родной двор. Только протяни руку, и в ней окажется ответная рука. Уровень доверия – полный, и не только твоего доверия миру, мир отвечает тем же.

Не то с «женскими» веществами. С ними я познакомился за два года до истории с богом-Росянкой при обстоятельствах не слишком приятных.

Я всегда опасался передозировки и сейчас опасаясь. Моё убеждение – лучше ничего не почувствовать, чем почувствовать слишком много – со временем и опытом только окрепло. Не все, однако, придерживаются сходной философии (иногда даже я сам). К сожалению, человек, с которым впервые в жизни я пробовал ДОБ (мы думали, что это ЛСД, но сейчас я понимаю, что ЛСД в марке «велосипед 2000» было не так много, как ДОБа), придерживался прямо противоположных взглядов. Это гостеприимный хозяин росянок Му. Я, конечно, должен был быть уже научен горьким опытом нашего общего товарища с редким именем Владимир, когда Му для первого знакомства с кетаминном поставил ему 2,5 куба. На просьбы рассказать о впечатлениях Владимир сдержанно отвечал – «ну, посидел в аду немножко». Я, однако, недостаточно серьёзно принял во внимание это предостережение и смело вместе с Му, Пу и старшим братом одной из моих дорогих росянок решил отведать чудесный расширитель сознания.

Вначале мы собирались приобрести один велосипед на пятерых, потом один из пайщиков откололся, а велосипедов посчастливилось достать целых два. После долгих опасных вопросов на тему «не будет ли слишком много», Му уговорил нас со старшим братом Росянки съесть велосипед пополам, поскольку с четвертинки мы просто ничего не чувствуем. «Она же такая маленькая, что вам с половинки будет!».

Было следующее. Отвратная психосоматика, которой наиболее точно соответствует термин «плющит», сопровождалась мрачными и весьма сильными волнообразными визуальными эффектами. Всё пространство вокруг, включая деревья во дворе, пивные крышки, вдавленные в берёзовый пень многими поколениями местных гопников, родинки и линии на моих руках, уголки моих губ и глаз в зеркале зияли чёрными провалами, крутились, кривлялись и хихикали вслед за любезным Му: «Сознание расширить захотел? Ты думал, это удовольствие?».

Удовольствием это было в последнюю очередь. Ехидный ужас шизофрении подступил весьма близко – привычная классификация предметов и понятий перестала работать, стало совершенно недоступно пониманию, как разные объекты могут называться одним и тем же словом, «ложка», к примеру, или «растение», исчезла всякая осмысленная связь между мной и миром, враждебным и нарочито неодушевлённым – что-то вроде пантеизма наоборот. Повсюду была бездушная, непознаваемая, бессмысленная, агрессивная и глубоко враждебная мне среда, начисто лишённая этики кантовская вещь-в-себе. По дороге домой потом, в очень долгой маршрутке, я пытался отвлечься от муторных ощущений

чтением Хаксли, и повезло же мне наткнуться у него на характерно-нескончаемые рассуждения одного из персонажей-резонёров о Боге! «Какой Бог! – восклицал я про себя. – Какой в этом мире может быть Бог! Как вообще такая мысль может даже в голову прийти, не то что рассуждать об этом на десяти страницах!».

У того же Хаксли в известной работе «Двери восприятия. Небеса и ад», где приводятся, в частности, его опыты с мескалином, я нашёл чуть позднее довольно точное описание своего тогдашнего состояния, уподобление смятённому состоянию пшизофреника, при котором складки на брюках значат неизмеримо больше, чем все возможные человеческие отношения, и страшно.¹

Старшему брату Росянки было ещё хуже, чем мне. Я-то в течение двенадцати часов был активен, бегал по квартире, выходил на балкон полюбоваться зловещей природой, сходил в магазин и купил там арахис в сахаре, который сухим грохотом отдавался в «полной кислоты башке», ругался, шутил и нервозно смеялся с Му и Пу, раздражался восклицаниями «Слишком сильно!» и «Когда же это кончится!», старший же брат Росянки лежал на диване, смотрел в потолок и заговорил только однажды, когда я его спросил, не кажется ли ему, что слишком сильно. Тогда он ответил со всей возможной язвительностью: «А разве это не очевидно?!». «Как там он?» – спросили меня на балконе радушные хозяйва. «Старик помер», – сострил я. Поскольку окно было открыто, старший брат Росянки слышал этот диалог и Росянка мне потом рассказывал, что у него это вызвало примерно следующую череду мыслей: «Они говорят, что я помер. Кто помер? Я помер?». Через месяц он уехал в Пермь к семье, где практически безвыездно живёт и поныне. Очередной период московской жизни был для него на этом закончен.

Не менее драматичные обстоятельства сопровождали и моё знакомство с грибами. Продолжая придерживаться нелепой классификации лидера моей группы, отмечу, что грибы тоже, конечно, относятся к «женским» веществам своей манерой агрессивно вторгаться в мировосприятие и миропонимание субъекта, тем более, что основное действующее вещество – псилоцибин – сходно с ЛСД, оба они относятся к триптаминам.

Однако между грибами и ЛСД я на первых же порах заметил существенную разницу, даже противоположность. ЛСД демифологизирует сознание, достаточно жёстко срывает с него наслоения привычных интерпретаций, рушит типовые мыслительные схемы, понятийные категории и связи между ними, насильственно упраздняет способы восприятия, которыми человек оброс в течение жизни начиная с детства, когда его видение мира было непосредственно и не отягощено знанием, каким именно образом он должен трактовать то, что воспринимает.

Грибы, напротив, продолжают дело мифологизации сознания, создают свой, особый грибной миф. Сознание следует «за грибами» по своеобразному мыслительному лабиринту, который может вывести к самым удивительным картинам мира. Они могут быть у разных людей очень разными, но характерная «грибная» сумасшедшинка всегда явственно проступает. Здесь можно в качестве примера вспомнить Фёдора Чистякова, осознавшего себя Иванушкой-дурачком, а хозяйку дачи, на которой жил, Ирину, Бабой-ягой, которую он должен уничтожить – обычно это связывают с их настольной книгой «Исторические

¹«Эти складки на брюках - что за лабиринт бесконечно значимой сложности! А текстура серой фланели - как богата, как глубока, как таинственно роскошна!» «я помню, что мне рассказывал один мой старый друг, уже много лет покойный, о своей безумной жене. Однажды, на ранней стадии заболевания, когда у нее еще были интервалы ясности, он приехал к ней в больницу поговорить о детях. Она немного послушала его, а затем прервала. Как мог он тратить свое время на пару отсутствующих детей, когда единственным, что имело значение здесь и сейчас, была невыразимая красота узоров, которые он производил своим коричневым твидовым пиджаком всякий раз, когда двигал руками? Увы, этот рай очищенного восприятия, чистого, одностороннего созерцания, был не вечен. Блаженные паузы становились все реже, короче, пока, наконец, их вовсе не стало; остался только ужас.» (Олдос Хаксли «Двери восприятия. Рай и ад» <http://lib.ru/INOFANT/HAKSLI/doors.txt>)

корни волшебной сказки» Проппа. Или Теренса Маккена, история которого о том, что грибы инопланетяне, вступающие с нами в контакт и передающие нам высшее знание путём того, что мы их поедаем, – типичный грибной загон². Или ВПРовское магически-архаичное «съешь своих врагов, победи, возьми их силу себе». Я сам тоже в этой области неплохо поработал – под грибами я с большой остротой ощутил свою неприязнь к деревьям, представил себя эдаким рядовым грибного воинства, которое, хоть и живёт в симбиозе с деревьями, но втайне ненавидит этих существ, беспокойно покрывающих небо трещинами ветвей и очень навязчивых.

Повторюсь на всякий случай, что не считаю указанные наблюдения универсальными и применимыми во всех случаях, вполне возможно, отыщется человек, на которого всё, о чём я говорю, действует прямо противоположным образом и он объяснит это ещё более сногсшибательно с применением ещё более убедительной фактологии. Я излагаю этапы своего опыта и его осмысление, демонстрирую мифы, с которыми столкнулся, в том числе и миф о демифологизации, чтобы показать пути, которыми двигался, и дать читателю возможность сопоставить эти пути со своими и ещё раз убедиться в уникальности собственной истории.

Драматизм ситуации употребления грибов заключался в том, что человек, который мне их дал, считал их панацеей от атеизма, грибы буквально развернули его жизнь и он жаждал, чтобы я тоже проникся их метафизикой. А я не проникся и смеялся над его тревожными вопросами, ощущаю ли я теперь нечто потустороннее. В результате мы крепко поругались и я ушёл в ночи пешком домой, хотя до дому было около двух часов пути. Снова было до чрезвычайности страшно.

История этого грибника, кстати, характерна в своём роде. Сначала он ел их в стандартном количестве – 30 – 50 штук. Но грибы относятся к тем вещам, которых любопытно употребить много, благо был сезон. Он съел последовательно 60, 80 и 100 грибов. Следующей порцией стало 120 грибов, которые, по его утверждению, не подействовали на него вообще (а может, наоборот? Подействовали так, что в прежнее состояние он уже никогда не вернулся? Сразу вспоминается рассказ Бредбери, в котором герой на чужой планете находит только несъедобные предметы и голодает, пока в один прекрасный момент не просыпается, окружённый всевозможными яствами, питается, радуется жизни, поводит клювом, щёлкает трёхметровым хвостом и удаляется счастливый. Тонкость в том, что он сам такого убил, когда только появился на планете). Действие было только физиологическое – он проспал сутки, проснулся со страшной экземой на всё лицо, вылечился по телефону у знакомого экстрасенса, бросил употреблять всё, включая табак, алкоголь и мясо, а через год навсегда переселился жить в какую-то северную глушь.

Несмотря на тогдашнее моё убеждение, что изменение восприятия реальности под веществами является следствием только изменения химических процессов в организме, а не свидетельством «существования» неких недоступных обычному восприятию явлений, важнейшим для этого периода действием оказалось примеривание на себя другой картины мира, другого восприятия, другой связи между вещами и понятиями, другой схемы мышления, нежели привычные, расшатывание того самого «единственно верного» взгляда на «реальность». Этот опыт стал первым из ключевых этапов в изменении моего мировоззрения от сугубо атеистического к религиозному.

²«Гриб постоянно возвращался к одной теме: он утверждал, что ему ведомы пути эволюции и потому он благожелательно настроен к симбиотическому союзу с теми, кого он называл «человеческими созданиями». Он стремился передать мне свое понимание того, как устроен мир, понимание, которое развивалось на протяжении миллионов лет сознательной жизни у него, разумного организма, распространяющего свой вид в галактике. По его утверждению, гриб - более древний биологический вид, и в качестве такового он предлагает свой зрелый опыт энергичной, но наивной младенческой расе, которая впервые стоит на пороге космических полетов.» и далее (Т. Маккена «Истые галлюцинации» http://www.behigh.org/behigh/site/content/library/spiritual/mckenna_glucks.html)

Однако, сколько бы я ни изображал из себя бога-Росянку или скромного грибного воина в войне с деревьями, эти и многие другие роли я играл, конечно же, сохраняя в той или иной степени контроль над сознанием. Долго ли, коротко ли, пришёл тот час, когда на некоторый промежуток времени я полностью его утратил.

Снова это был фенциклидин и мои возлюбленные Росянки, но на этот раз они уже не были обделены амброзией, вкушаемой их трудолюбивым божеством, которое к тому же разработало весьма остроумный план трипа. В первом часу ночи я принял традиционную дозу в 10 мг, на пике, около двух, накормил Росянок, дождался, пока их начало попускать, и примерно в четыре принял ещё столько же.

Играла музыка – свежий альбом «Звуков Му» «Мыши 2002», и одна из росянок попросила меня прокомментировать внезапное преобразование Мамонова. Вместо того, чтобы попросту сказать, что старик в очередной раз окончательно дался ёбу и это гениально, надо только врубиться, я решил порассуждать о причинах тотальной разрозненности путей и языка современных творческих деятелей.

Но начал, на беду, слишком издалека и слишком образно. Фраза была примерно такая:

— Кажется, именно сейчас я смогу это объяснить. Когда паровоз истории врезался в стену двадцатого века, всё, что он вёз, разлетелось в разные стороны.

На этом месте меня вынесло.

Окна в гостях у Росянок выходили на восток, начинался рассвет, и его краски приобрели невиданную интенсивность – оранжевая стена, в которую врезался паровоз, разлетелась, и я на одном из её обломков, кирпиче кремового цвета, а может быть, будучи сам таким кирпичом, летел над ослепительно-мультипликационными пляжами и лазурными морями, всё выше в космос, всё дальше от планеты.

Понимая, что это происшествие может несколько напугать хозяев, я пытался, но не умел выразить одновременно симпатию к ним, сожаление о происшедшем конфузе и его полную безопасность, так что ограничился только обещанием отдать им все деньги, которые когда-либо заработаю.

Кроме того, я весьма боялся выпасть из окна, перед которым находился, поскольку не мог соизмерить своё до него расстояние и придвигался к нему, по мере того как уносился всё дальше в межзвёздную пустоту, из которой моё трупообразное тело и все его земные привязанности казались бесконечно далёкими, крохотными и не вызывали ничего, кроме глубокого равнодушия с примесью щемящей жалости – как жаль покидать всё, что любил, как жаль, что всё, что любил, теперь имеет привкус предельной отстранённости. Полное расставание с миром, слияние с абсолютной пустотой, осознание на уровне опыта её тотальности как единственно существующей оказались первым глубоким трансперсональным переживанием в моей жизни. Я говорил потом, что пережил тогда смерть.

Для приведения в чувство росянки решили напоить меня водой – и мало того, что я очень не люблю вкус воды из-под крана, так ещё и совершенно потерял способность глотать, но объяснить этого не мог и стал захлёбываться, так что цель была достигнута: опасность утопнуть в железной кружке в сопровождении стука зубов по её краям заставила меня напрячься и разглядеть росянок, поддерживающих меня непомерно длинными руками. Вытянутые прямоугольники их лиц выражали соболезнование.

— Выкиньте мой труп в космос, если он, конечно существует, – так я смог изъяснить свою последнюю волю, не подозревая, что прах Тимоти Лири в соответствии с его завещанием уже носится по орбите.³

³В сборнике выступлений на девятой международной конференции по философии Владимира Соловьева в университете города Иваново, мои высказывания выглядят более пристойно: "Мой друг, по принципиальным мотивам нигде не печатающийся философ и литератор Т. Рили в экстремальной точке работы со

В тот же день, 10 мая 2003 года, было назначено столетие до Мировой Революции, получившее также неофициальное название Психоделического Нового года. Суть праздника в том, что если каждую вторую неделю мая последовательно праздновать 100, 99, 98 и т.д. лет до Мировой революции, то в назначенный срок ей не останется ничего иного, как произойти. Один из самых часто задаваемых вопросов – не смущает ли нас, что мы можем не дожить до славной даты. Отвечаем: мы этому даже рады. В традициях годовщины приём выносящих доз препаратов, так что 98й и 97й Психоделический Новый год удостоится отдельного описания ниже.

А это первое празднование было ознаменовано страшным глумлением над книгой А. Данилина «LSD: галлюциногены, психоделия и феномен зависимости». Руки ещё не окрепли, так что я сильно испачкался в фиолетовых чернилах, прежде чем исчеркал её всю – какими-то недописанными непристойностями, звёздами, свастиками, магиндовидами, корявыми маловразумительными пометками на полях, приданием автору двойной фамилии Данилин-Геббельс и новым подзаголовком: «Нравственная нечистота». Нервный тик, выраженный в произвольных смешках каждые 5 – 10 секунд, продолжался в течение нескольких последующих часов.

Следующий серьёзный вынос произошёл ровно через два года на праздновании, соответственно, 98й годовщины до Мировой революции.

К тому времени мои эксперименты с ЛСД и фенэтиламинами привели к достаточно любопытным результатам – я выяснил, что при их воздействии можно активизировать воспоминания о забытых событиях, вплоть до эпизодов самого раннего детства. Вот что к этому подтолкнуло.

Погожее летнее утро 2004 года застало меня за прогулкой с одной из Росянок после употребления довольно слабой марки под названием «Yellow Submarine». Среди прочих подвигов того утра вспоминается спасение кошки от охотящихся на неё ворон с последующим изустным внушением этим воронам, и декламация поэзии Майкла Джиры на близлежащей стройке, сопровождаемая одним из самых полновесных строительных звуков – забиванием свай.

Но наиболее заметным событием трипа оказалось освоение детской площадки по её прямому назначению. Росянка без удовольствия покачалась на качелях, я съехал с горки, пытаюсь припомнить те безоблачные времена, когда, отдыхая у бабушки с бабушкой, много в их сопровождении гулял по днепропетровским паркам отдыха и посещал экзотичные горки в виде ракет, слонов и подобного (особенно в одной ракете парка Богдана Хмельницкого было неприятное для задницы место сварки уже почти на съезде), и подумал кстати, что никогда не любил все эти аттракционы, и вообще всё то, чем положено потчевать детей.

Стал вспоминать свои детские страхи. Одним из самых ужасных был, к примеру, Дед Мороз. Воспоминание тем болезненнее, что очень раннее, мне где-то три года. «К тебе кое-кто пришёл» – и тут входит огромный краснорожий человек-чудовище. Я прячусь в угол, бьюсь в истерику, родители и человек видят полную невозможность хоть как-то

свободно высвобождающимся психоматериалом высказался следующим образом: локомотив европейской цивилизации сто или сто пятьдесят лет назад на полном ходу врезался в некую стену. Мы полагали, что он везет драгоценности, но оказалось, что большинство вагонов нагружено нечистотами. Все разлетелось в разные стороны. Крепы сломались - и отдельные части состава, как галактики в расширяющейся Вселенной, неумолимо разлетаются друг от друга, наполняя нечистотами пространство. В одну сторону летит этика, в другую - эстетика, в третью - наука, теряя собственное содержание, так, что за этими словами более не скрывается соответствующей им реальности. Отдельный человек - тоже обломок, потерявший в отрыве от целого свою сущность, труп, который необходимо выкинуть в космос, если, конечно, космос в этих условиях существует.» (Соловьевские исследования. Выпуск 9. Иваново, 2004, с. 89)

вызвать меня на контакт, его смущённо уводят на кухню, потом выпроваживают. Все это я рассказываю заливисто Росянке, и тут червь сомнения закрадывается в мысли – у меня рождается подозрение, что Дед Мороз приходил ко мне не один раз! Неужели мои родители были так жестоки, что могли, зная о моей реакции, пригласить его вторично?

Я обзавёлся уже к тому времени сотовым телефоном и не стал откладывать выяснение этого вопроса до лучших времён, а сразу набрал мамин номер и спросил после краткого приветствия, сколько раз ко мне в детстве вызывали Деда Мороза. «Ты знаешь, – говорит мама смущенно, – вообще-то, два раза». Я воскликнул: «Ну почему два? Почему два?! Неужели после первого раза уже всё понятно не было?» А она: «Ну мы думали ТЫ ПОДРОС».

Совершенно забытый и изжитый детский страх вдруг вспомнился мне с удивительной достоверностью, тут же подтверждённой.

Так спонтанно выяснилось изменение особенностей памяти под веществами, которое и проявилось весьма мощно на праздновании 98-летия до Мировой революции.

Поздним вечером 9 мая 2005 года Н. читала «Человек перед лицом смерти» С.Грофа. Мы сидели в сквере перед одним московским окраинным вузом, я употребил довольно сильную марку «Стар Трэк» и вёл беседу с птицами. Н. спросила меня, как я отношусь к тому, что пишет Гроф, можно ли сопоставить с этим мой опыт. Я отвечал неопределённо, потому что слышал его фамилию и перинатальную теорию краем уха и безотносительно друг к другу, так что и вопросу особенного значения не придал.

Фаза активного действия марки уже почти прошла, когда я решил для придания пикантности выходу из трипа покурить гашиша. Уже достаточно рассвело для того, чтобы я, по обыкновению после гашиша, стал делать записи в предназначенный специально для таких случаев блокнот. Всю ночь до этого я занимался подробным самоанализом, сопровождавшимся перетряхиванием ценностей, как я это называю – проверкой самого важного для меня, сохранило ли оно прежний смысл и важность в изменённом состоянии. Думается, в подобные диалоги вступал каждый и без всяких веществ, я тоже. Но под веществами иной угол зрения позволяет увидеть скрытое от повседневного сознания, обратиться к себе с точки зрения совести с нелицеприятными вопросами и ответить на них без обычных увёрток (не обходится в таких случаях и без вопроса «ну и зачем опять ты это принял, мало ты испытывал свою психику, хочешь её окончательно расстроить?»). Действие гашиша структурировало особым образом мысли, и прописывание их на бумаге привело к восстановлению необходимых между ними связей, которые при монологическом мышлении могут незаметно для рассуждающего опускаться и подменяться вместе с существенными выводами.

Я увлечённо писал, и мысль обгоняла написанное, так что я еле за ней поспевал. В один прекрасный момент я осознал, что скрыл от себя очень серьёзный разрыв между моими юношескими идеалами, которые не слишком изменились за взрослые годы, и всей последующей жизнью. Я пристально взглянул на себя собственными глазами двенадцатью годами раньше и ощутил такую пропасть между собой и своей любовью, такое предательство по отношению к ней, что не дописал последней фразы. Слёзы буквально брызнули у меня из глаз, блокнот полетел в одну сторону, ручка в другую, и это оказалось началом интенсивной двухчасовой истерики, в ходе которой я вспомнил всё.

Дело в том, что примерно с двенадцати- – тринадцатилетнего возраста, то есть уже лет семнадцать, я никогда не плакал навзрыд. Конечно, на трогательном месте в фильме или книге глаза мои могли увлажниться, в трудные минуты выступали на них злые слёзы отчаяния и т.д. Но ощущение, когда плачешь взахлёб, с поминутным вздрагиванием и произвольными всхлипами, и совершенно не в состоянии остановиться, спустило мой психологический возраст сначала примерно до двенадцати лет, потом до восьми, и так всё дальше и дальше – к образам забытых воспоминаний, на удивление ярким.

Я вспомнил всё – откуда во мне мои привязанности и пристрастия, откуда во мне любовь к тому, что я люблю, привычки, черты моей личности, откуда во мне мои ценности, почему, скажем, я люблю честность (отец всегда говорил «Нельзя врать ребёнку») и литературу (даже названиям цветов в детстве меня учили по книжечкам, картонным, твёрдым – «вот жёлтая книжечка, вот серая книжечка»). С меня слетали эти наслоения, одно за другим, я становился психически всё младше. Происходило то, о чём я сказал, когда оставался на различии между воздействием грибов и ЛСД. ЛСД буквально сдёрнуло с меня шелуху восприятий, которой я оброс в течение жизни, и перед моим взором всё предстало так, как виделось мне в четыре, в три года.

Я прописал себе водные процедуры, ванну, как в детстве (обычно принимаю душ), и, не в состоянии успокоиться, вздрагивая и рыдая, пускал в ней пузыри, плескал руками, открывал и закрывал дырку слива – всё тот же плачущий маленький мальчик. Водные процедуры не успокоили, я вышел из ванной и воспоминания понесли дальше, к вовсе уже страшным картинам. Поразмыслив, я отнёс их к моменту собственного рождения – ничем другим это быть не могло. После этого я стал постепенно успокаиваться, мне стали видеться какие-то пещеры, темные проходы и бесконечные подземные воды, то есть, по Грофу, с которым я не был знаком, образы двигались от третьей ко второй и первой перинатальным матрицам.

Ни разу в жизни, ни до, ни после, я не испытывал такой мощной очистки своих представлений о себе самом, своего жизненного пути и своего места в мире. С поразительной ясностью я увидел возможность редукции всего воспринимаемого, а не только ценностей. Не редуцировалась только любовь. Всё оказалось вторично по отношению к ней, в том числе и собственное «я», ясно осознанное тогда как проводник для её реализации.

Впоследствии по словам «воспоминание о рождении» я нашёл в интернете чью-то диссертацию с упоминанием Грофа и его матриц, в описании которых с удивлением обнаружил полное соответствие тому, что испытал сам, и спустя ещё некоторое время узнал о синхронизации с вечерним вопросом Н.

Одно из своих произведений я начал такими словами.

Ах, как прекрасно бы было, если бы все герои действительно уже умерли! Тогда я, не поступаясь порядочностью, мог бы писать обо всех их подвигах, потому что неприятности у них уже позади.

Порядочностью придется поступиться.

Жить вообще стыдно.

В полной мере это относится к событиям, на которых, по возможности кратко, придётся здесь остановиться.

Летом 2005 года ко мне обратились трое моих друзей, бывший Росянка, Н. и их подруга А. Они сообщили, что им было бы любопытно попробовать ЛСД, благо грибы они уже пробовали неоднократно, А. даже однажды ими передозировалась и сильно испугалась. Как ясно из написанного, я тоже сталкивался до этого с сомнительными последствиями приёма психоделиков, поэтому отнёсся к подготовке трипа очень серьёзно, настолько, что когда в последний момент мне предложили провести его у Н., а не у меня, как мы собирались, я так перенервничал, что даже заимел лёгкий тик на правом глазу, который исчез только тогда, когда первоначальный план был восстановлен.

С утра я обустроил три комнаты и кухню для комфортного во всех отношениях уединения, буде желание уединиться возникнет, и, когда к трём часам пополудни явились друзья, предложил каждому выбрать себе место, где никто не будет иметь права беспокоить его без разрешения, чем вызвал общее недоумение – они собирались общаться и находиться вместе. ЛСД не действовало в течение первых полутора часов, и А. настояла

на получении ещё половины порции, несмотря на мои настойчивые предупреждения, что лучше не почувствовать ничего, чем почувствовать слишком много (сам я для большей заботливости принял таблетку экстази). После краткой прогулки у трипующих, как я и предполагал, возникло желание побыть наедине с собой, и все разошлись по комнатам.

Ближе к ночи А. встало так, что мало не показалось никому. Она позвала меня и доверительно сообщила, что навсегда сошла с ума, возможный выход из этой ситуации – выброситься прямо сейчас из окна, ведь жить совершенно незачем. Я обнаружил в её состоянии большое сходство с тем, что увидел сам, впервые попробовав «велосипед», и обрисовал ей в общих чертах агрессивную бессмысленность существования, которая сейчас ею овладела.

А. весьма удивилась тому, что нашёлся человек, который понимает её положение, но ещё больше тому, что этот человек до сих пор не покончил жизнь самоубийством. Тогда я осторожно изложил свою концепцию любви как единственно существующего и предложил сосредоточиться на том, что она понимает под любовью. Она вспомнила о сыне, и это несколько приостановило кризис, но тут, на беду, я дал ещё один совет.

Дело в том, что мой поставщик ЛСД авторитетно произнес однажды, что в соответствующем состоянии хорошо «всякие вопросы себе позадавать». Я беспечно сообщил А., что действие вещества скоро кончится, и вместо того, чтобы предаваться отчаянию, лучше использовать это время на освоение нового восприятия, к примеру, позадавать себе вопросы относительно привычных понятий и посмотреть, совпадают ли ответы с теми, что были известны раньше. Усомнившись в том, что это может кончиться, А. и впрямь стала задавать вопросы, но адресовала их не себе, а мне!

Каждый строился по модели «Что такое ...?» – вместо точек смело вставляйте любое известное вам понятие и будьте уверены, что этот вопрос А. мне тоже задала в ту ночь. Сначала я отвечал по мере сил и компетенции, но когда понял, что это только раздражает собеседника, стал уходить от ответов, отшучиваться, отвечать «это трудный вопрос», «не знаю», «понятия не имею». Глубокой ночью мы отвезли А. домой на такси, там я ещё долго общался с ней, помышляя о побеге, что очень тревожило А. – всякий раз входя в комнату, она подозревала, что я исчез. К утру я всё-таки вполне легитимно покинул её дом, удивлённый тем, что привычное шести-двенадцатичасовое действие вещества не кончается. А. сообщила потом, что период активного действия продолжался не менее двадцати часов.

На этом её эксперименты только начинались. Через неделю она настойчиво попросила препарат снова. Я с иронией спросил у неё, на кого она укажет, если возникнет вопрос, где она это взяла («На самого злого врага», – задорно воскликнула А.) и взял с неё обещание, что, если при приёме её опять одолеют страхи, она обратится к живущим с ней в одном доме Росянке и Н. Так и произошло, но Росянка не смог справиться с её сумеречным состоянием, вследствие чего они, несмотря на договорённость, прибыли ко мне. Я разрешил им остаться на ночь, с условием, что они будут вести себя тихо. Тихо они себя не вели, так что около восьми утра я лично проводил их на улицу и пожелал успеха в поимке такси.

Вечером того же дня Росянка позвонил мне и сообщил, что А. убежала от него, вскочила в трамвай и уехала, и теперь пребывает в психушке, что сам он утром следующего дня уезжает в Крым, а я должен уйти в полную несознанку и о веществе, и о том, где провела ночь А.

Так я и поступил, даже в отношении общих друзей.

Через два дня мне позвонила мама А. и в ультимативной форме попросила связаться с лечащим врачом А., заведующим женским отделением психиатрической больницы. Я поехал на встречу с ним и, следуя избранной для меня Росянкой стратегии, ушёл в глухую несознанку. Врач спрашивал меня, глубокий ли человек А., шептал, «мы все вместе, её друзья, должны ей помочь», картинно недоумевал, что одинокая женщина среди ночи

берет такси и едет в гости к женатому человеку, я в ответ выражал такое же недоумение странным фантазиям моей не слишком близкой знакомой, которую я последний раз видел, когда она приходила ко мне сканировать фотографии (и забирать ЛСД, кстати).

— Давайте сделаем так, — предложил врач. — Сейчас вы встретитесь с А., пообщаетесь, она станет убеждать вас подтвердить её слова, после этого разговора вы вернётесь ко мне и мы снова потолкуем.

Так оно и случилось. А сообщила мне, что её стратегия проста: она ничего не говорила про вещество, у нас с ней шуры-муры, она приехала ко мне, повинувшись порыву страсти, провела у меня ночь втайне от жены, которая спала в настолько дальней комнате, что ничего не заподозрила и её не видела (ещё как видела!), с утра А. уехала, недалеко от моего дома почувствовала себя плохо, попросила у прохожих вызвать ей скорую помощь, но, поскольку при ней не было страхового полиса, скорая помощь отвезла её в дурку. Мою несознанку это тоже объясняет: я не хотел рассказывать правду из страха перед семейным скандалом.

Я сообщил А., что моя стратегия ещё проще: её у меня не было и я ничего не знаю.

— Но ты-то там, а я-то здесь, — сказала А с заметным беспокойством.

Долго уговаривать меня не пришлось. Снова оказавшись в кабинете врача, я сразу начал бормотать, что «всё-таки она была, вы понимаете, семейный скандал» и т.п. Его картинная реакция наполнила меня счастьем.

— Что-о?! Вон из моего кабинета!!!

Я галопом умчался из его кабинета, с территории больницы и из Москвы вообще, на дачу, где устроил ЛИКВИДацию всех домашних запасов веществ, как я это назвал, благо их было не слишком много.

А. выписали через три недели, не поставив диагноза, так ей удалось запутать лечащего врача не без моей помощи.

Много раз ещё в течение последующих лет А. радовала Росянку, Н., меня и многих других людей провокационными поступками под разнообразными видами гиперстимуляторов, навроде воплей «Милиция!» из их запертой квартиры при звуках открывающейся соседской двери с последующим эксцентричным посещением соседской квартиры, звонков в далёкие города с требованием немедленного прибытия для оказания скорой помощи, зажигательных смсов и т.д.

История с А. надолго отбила у меня желание доставать для знакомых психоделики и, тем более, служить проводником в психоделических опытах, потому что выяснилось, что самый тщательно подготовленный и заботливо проведённый трип не только не гарантирует положительного результата, но и навешивает дополнительную ложную ответственность за происходящее с подопечным.

Кроме того, я убедился, что негативные последствия от приёма группы веществ, с которой мы имеем дело, часто значительно превосходят позитивные, и если побеги из Москвы брата Росянки и грибника можно ещё трактовать в положительном смысле, то интерпретация в том же духе выносов А. с абсолютно бесконтрольным поведением и тягой к новым экспериментам, следствием которых становятся не менее тяжёлые по последствиям выносы, конца которым до сих пор не видно, представляется несколько натянутой. Конечно, дело здесь не столько в веществе, сколько в психологии личности принимающего, но легче ли от этого? Никто не знает, какие психические дали разверзнутся от злоупотребления подобными вещами у других индивидов, и ни малейшего желания узнавать об этом у меня не возникает. Каждый волен справляться или не справляться со своими психическими проблемами сам, а я не священник, не психиатр и не фармацевт.

Замечу кстати, что А., так же как я, пережила серьёзный мировоззренческий сдвиг, и оценивает происшедшее и происходящее с ней в целом очень позитивно.

Пока А. лежала в психиатрической клинике, я занимался ЛИКВИДАЦИЕЙ на даче. Помимо негодования относительно бездарного использования ею столь прекрасного и чистого вещества (то ЛСД было наиболее качественным из всего, что мне доставалось прежде, и вот пришлось отказаться от дальнейших поставок), я столкнулся с весьма интересным феноменом, который скромно назвал «светом божественной любви».

Дело в том, что примерно за полгода до истории с переживанием рождения меня внезапно отпустил владевший мной все годы моей сознательной жизни атеизм. Я вырос в атеистической семье в атеистическое время, отец рассказывал, что Бога придумали богатые для подчинения бедных, бабушка со стороны матери, любимой фразой которой до самого недавнего времени было «я любых попов терпеть не могу», тоже имела на меня большое воспитательное влияние, так что я вырос законченным и последовательным атеистом и антиклерикалом. В школе я попытался кратко сформулировать своё мировоззрение и затеял даже для этих целей краткий труд с претенциозным названием «Несколько слов о новом атеизме», к которому вернулся и закончил в 97м году. Позднее в работах классиков анархизма я обнаружил ровно тот же подбор мыслей – жизнь и здоровье в противоположность болезни и смерти, естественная нравственность и взаимная поддержка для сохранения и укрепления жизни, свобода от страха и уничтожения, навязываемых внечеловеческими, внежизненными структурами государства и церкви, в основе которых лежит идеология, разделяющая на своих и чужих, способность человека к творчеству и бесконечному совершенствованию в отличие от животного и проч. в том же духе. Упорствование в «единственно верном» «понимании» «реальности», возможно, и делало мои триптаминовые трипы такими бэдowymi.

Знакомство с мистическими концепциями и наличие многочисленных религиозных друзей, беседы с ними на духовные темы, чтение авторов самых разных воззрений, временное приятие всевозможных систем мышления и ценностей для их понимания, и не в последнюю очередь планомерное использование психоделиков так подточили моё атеистическое мировоззрение, что в конце концов осталось себе признаться, что я намеренно исключил для себя один из самых плодотворных способов мироощущения, познания, коррекции жизненного пути, утешения и подлинной радости – религиозности. Я давно уже понимал, что скорее ограничиваю атеизмом свою свободу мыслетворчества, чем усиливаю, поскольку закрываю для себя огромную область человеческого сознания (и не только сознания!), в этом был для меня привкус ментального аскетизма, эдакое сужение области интересов, когда не стоит разбрасываться на то, что тебя прямо не касается, а следует делать только дела, за которые взялся (кстати, уже в 95м году я разрешил крестить своих дочерей в православную веру, исходя из той же идеи – что у них будет больший выбор, чем у меня, поскольку уйти из религии гораздо проще, чем прийти к ней).

Ночью в январе 2005 года на одинокой остановке автобуса под медленное падение прозрачных снежинок среди морозного пара я осознал, что не допускать себя к религиозным чувствам и мыслям в мире, о котором я знаю только то, что он позволяет абсолютно любой взгляд на себя, любую схему восприятия, и эта схема наложится на него совершенно впору, значит уподобиться эдакому маньяку с отрицательной идеей фикс, специально, даже в ущерб себе, НЕ думающему о чём-то самом существенном для него.

Я позволил себе, наконец, принять религиозное мироощущение, слишком долгое время никак не развивавшееся во мне, отчего мой генезис как личности имел к тому времени черты, близкие к духовной патологии. В самое краткое время религиозность привела меня к ряду трудностей.

Началось всё с приобретения цифрового фотоаппарата. Лето 2005 года я посвятил тщательному и всестороннему изучению его возможностей и функций, в том числе такой

важной как так называемый баланс белого. Если он настроен неправильно, изображение на снимке оказывается желтее или, напротив, синее, чем видимое глазом. Я научился различать тончайшие оттенки белого цвета вплоть до осознания того факта, что чистого безупречного белого цвета просто не существует, ни в природе, ни в рукотворном виде.

Однако скоро я его увидел. Случилось так, что часть дачного трипа я вопреки обыкновению решил провести с закрытыми глазами (скорее всего, это было следствие чтения Грофа). Причудливый визуальный лабиринт, по которому вели меня звуки альбома Massive Attack «100th window», постепенно сменился неким умеренным сиянием, появившимся из правого нижнего угла зрения и мало-помалу заполнившим всё видимое пространство. Я понял, что это абсолютно чистый беспримесный белый цвет достаточной яркости – не ослепляющий и не тусклый. Понаблюдав его некоторое время, я не выдержал переполнивших меня ощущений и открыл глаза.

С завидной регулярностью в последующих экспериментах я стал видеть этот идеально белый цвет, он был безупречен и как-то космически далёк, я дал ему условно-ироническое название «свет божественной любви» (а что ещё, скажите на милость, может быть белым как ничто в материальном мире?) и стал пытаться разглядеть его поподробнее и подольше. Попытки эти привели к неожиданному эффекту. Сила ощущений от пристального и неотрывного наблюдения за этим светом оказалась несопоставима ни с чем до сих пор испытанным, градус эмоций повышался до запредельного, продолжать долго смотреть на него было абсолютно невыносимо, но достаточно притягательно, это было совершенно особое психическое состояние, сходное с состоянием визионерства, уже мне знакомом.

Дело в том, что в период окончания школы и начала обучения в университете (1991-1993) я столкнулся с эффектом предсказания событий. Случайно открыв в себе способность узнавать о событиях будущего, касающихся впрямую моей судьбы, я стал полупламенно развивать её в себе и достиг в предсказательстве немалых успехов. Можно отметить, что я последовательно предвидел достаточно несуразные результаты своих оценок вступительных экзаменов и на второй день знакомства с будущей женой знал, что это моя будущая жена.

Метод был такой: я задавал некий вопрос относительно своего будущего, на него приходил ответ, зачастую неожиданный, и затем предсказание сбывалось. За этическое условие я считал неразглашение информации до исполнения и тематика информации была ограничена исключительно моей дальнейшей судьбой. Я даже в шутку персонифицировал своих ответчиков, именуя их довольно неуважительно.

Однако со временем случайные «Интересно, а...?» стали получать ответы не просто мне малоприятные, но и вовсе катастрофические. Я решил прекратить практику в ущерб чудо-способностям и стал намеренно себя путать, сбивать с толку свою чувствительность, мешать тонкому ответу намеренно противоположным, и, действительно, зловещие предсказания не сбылись.

Впоследствии только однажды, уже в 2004 году, я припомнил былые забавы с трансцендентным и попытался напредсказывать себе счастливую судьбу на её небольшой развилке. Предсказание оказалось неправильным, судьба сложилась иначе, но тоже вполне удовлетворительно. Больше я не испытывал своих этих способностей из опасения неконтролируемого результата общения с силами, природа которых мне не ясна.

Похожий случай произошёл и с «божественным светом любви». Благодарить здесь следует прежде всего Старину. В декабре 2005 года мы отведали с ним по достаточно сильной марке «Чёрное солнце», на оборотной стороне которой было написано DON 3mg. Трип вышел, как всегда со Стариной, достаточно беспощадным, большую его часть мы провели в весьма жёсткой беседе. Старина указал мне на странный мимический эффект, появляющийся у меня при пересказе моих встреч со «светом» («Бог страшен и свет его страшен») - обычно достаточно подвижное, моё лицо будто отмирает, меняется голос, из

глаз текут слёзы, и я снова впадаю в своё особое психическое, «визионерское» состояние. Он предостерег меня от поспешной интерпретации своих видений и безответственного экспериментирования с подобными вещами.

Итогом той беседы стало моё решение креститься. Опасения относительно слишком быстрых успехов, которые я стал делать, едва успев принять религиозное мировоззрение, стали первым резонансом для этого решения. Я рассудил, что оставаться самоучкой в области, которая существует столько же, сколько существует человечество, довольно странно, тем более, что область серьёзная, нужна опора на какую-то из традиций. Кроме того, я ясно осознал свою слабость и невозможность выйти из круга личных отношений, в которых запутался, в одиночку. Выбор конфессии был для меня очевиден – традиционной религией в месте, где я живу, является православие, и среди моих религиозных друзей основу составляют православные. Их жизнестроительство всегда казалось мне достаточно гармоничным. Православие не требует сектантской отстранённости от мира, посвящения себя целиком религиозному служению, но и не даёт забыть об относительности мирских ценностей и удовольствий, хотя здесь тоже не без исключений в обе стороны. Наверняка где-то существуют не менее авторитетные религиозные традиции и практики, но я не собирался настолько кардинально разворачивать свой жизненный путь, чтобы менять людей, с которыми общаюсь и место, где живу, ради поиска достойного моей персоны вероисповедания.

С крёстным отцом моих дочерей я тоже посоветовался на тему «видений». Он подтвердил мои сомнения. Со сверхъестественными силами общаться не стоит – ангел не обидится, если человек ему не поверит, тем более, что к общению с ангелами ведут совсем другие пути⁴. Затем кум посоветовал мне весьма крутого священника. Первым делом этот священник сказал, что креститься взрослому человеку смысла нет, если он не хочет дальше жить церковной жизнью, и что ажиотаж первых постсоветских лет в этом смысле прошёл. Далее он предупредил на всякий случай, что крещение не даёт магических способностей (от которых я как раз хотел избавиться!), и велел перед крещением подготовить исповедь. Ему явно нравилось, что у них в церкви крестят «полным погружением». Среди прочего на исповеди мы говорили про свет и его нестерпимость. Он высказался осторожнее, чем мои товарищи, в том смысле, что мы находимся на самой далёкой орбите божественного света и можем надеяться к нему когда-нибудь приблизиться, но не при помощи игр с подсознанием, а затем посоветовал просить посылать только то, что я могу вынести.

Через месяц после крещения я и встретился с Р., который очень хотел поговорить о дежа вю. Почему бы нет?

В тот день состав собравшихся адептов нашей секты был довольно представительным, в беседе участвовало всего около десяти человек, среди прочих Старина и обе Росянки. Уважаемого Р. многие из нас видели впервые, так что тем более странно было его желание провести с нами столь своеобразный разговор.

Рассказ его сводился к следующему. Однажды он переборщил с «сибирью» и его очень сильно вынесло, он пережил смерть (2sb – вещество, которое показалось мне, в отличие от прочих фенэтиламинов, на удивление мягким по воздействию, лёгким и красивым, его бы

⁴Ср. «Что же касается «безвидия», т.е. чтобы не воображать и не принимать ни света, ни ангела, ни Христа и какого-либо святого и отвращаться от всякого мечтания; то сие заповедуют опытные св. Отцы, конечно, по той причине, что способность воображения удобно может воплощать, или как бы оживлять умопредставления; а посему неопытный легко может увлечься сими мечтами, почтеть их за явления благодатные, и подпасть самопрельщению, а при том же, как изображает Священное Писание, что и сам бо сатана преобразуется в ангела света. (2 Кор. 11, 14)» («Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» М. 2003, с. 448)

я рекомендовал для первого знакомства с психоделиками как самый мягкий из них, в разумном количестве, разумеется). При выносе он встретился с некоей высшей сущностью, которая продемонстрировала ему всю его будущность (в частности, что он не сможет отказать от наркотиков), весь мир людей, таких крохотных и жалких (характерный жест – две руки, сжатые в щепотке, приближаются друг к другу и затем к глазам, чтобы продемонстрировать малые размеры виденного), для которых всё точно так же, как для него, предопределено, и нет из этого ни выхода, ни спасения, полное отсутствие свободы воли. Впоследствии, при новых экспериментах, он снова впадал в это особое состояние и снова общался с высшим разумом, который демонстрировал ему предопределённое будущее для него и других крохотных созданий, таких маленьких и несчастных (снова характерный жест), которое потом с неизбежностью сбывалось. Со временем Р. стал впадать в это состояние произвольно, вне зависимости от приёма веществ, оно как бы притягивает его и он не в силах этому сопротивляться. Это состояние высшей истинности, но оно психически совершенно невыносимо. Центральной эмоцией рассказчика было «ну и попробуйте меня, с моим уникальным запредельным опытом, разубедить».

Как видит читатель, в этом рассказе достаточно совпадений с моим собственным опытом, и в части переживания смерти с чувством щемящей жалости к людям, уже таким далёким, и в части предсказаний судьбы, и в части общения с некими духами неизвестной природы, и в части нестерпимости такого общения. Старина, кроме психоделического, имел уже к тому времени опыт реальной клинической смерти, а Росянка и вовсе преподаватель философии в университете. Ему первому и дали обруч (я нашёл за диваном нелепый детский обруч «хула-хуп» и предложил владеть словом только тому, у кого он в руках, поскольку народу было много, и все желали говорить одновременно с мальчиком Р., который тоже не прекращал повторять историю своих откровений и характерную жестикуюляцию на грани нервного срыва).

Росянка сказал, что детерминистская позиция, которую изложил Р., безупречна и логически разубедить его будет невозможно. Детерминизм нельзя опровергнуть, потому что это стройная внутри себя система, имеющая основательную историю и выдающихся мыслителей среди своих апологетов (Спиноза, Декарт). Абсолютная предопределённость всех следствий из имеющихся исходных данных имеет единственный небольшой недостаток – ощущение полного отсутствия свободы у мыслящего существа, которое, таким образом, полностью лишено воли к каким бы то ни было поступкам и вообще вкуса к жизни. Последовательный детерминист, раб непреложных законов бытия, безропотный винтик в механизме вселенной, не имеющий никаких лазеек из действительности, никаких способов ничего изменить ни в своей жизни, ни в окружающем, вряд ли вообще может долее жить на свете, он должен тут же убить себя об стену, просто потому, что дальнейшего смысла в его существовании нет. Эта проблема сродни проблеме солипсизма, «мозгов в бочке», которая наглядно представлена в популярном кинопроизведении «Матрица» (где о феномене дежа вю тоже идёт речь): если наши ощущения подменены и мы не имеем возможности ничего изменить и ничего узнать про НА САМОМ ДЕЛЕ, зачем жить?

— Так что, - оптимистично резюмировал Росянка, - жить в таком состоянии невозможно. Свобода - вопрос веры. Если она есть, жить стоит. Если нет, видимо, не стоит. Тот, кто выбирает жизнь, выбирает свободу выбора.

Потом он добавил, что подобные явления объясняются и другими способами. К примеру, демонстрируется огромное множество вариантов развития узловых моментов жизни, и когда один из них сбывается, кажется, что сбылось именно то, что было увидено, и проч.

Старина, как и в случае со мной, обратил внимание Р. на его повторяющуюся жестикуюляцию, когда он рассказывает о своём опыте, так называемый «портал» из щепоток пальцев, через который он как бы попадает в другое измерение, и лицо приобретает особое страдальческое выражение, текут слёзы и проч.

Я, в свою очередь, заметил, что все мы тут не без опыта запредельного, но вопрос доверия такому опыту очень серьёзен, потому что если Р., обычный слабый человек, зная некую сверхъестественную «истину», так от неё страдает, не может выдержать её гнёта, то зачем ему такая истина, от неё следует отказаться, иначе он полностью подорвёт своё психическое здоровье, если не хуже.

— Да, мне сказали, что можно остаться там навсегда, но жить там невозможно – отвечал Р. и прибавил, что всё это уже видел.

— А это ты видел раньше?! – с задором Буратино, показывающего Пьеро золотой ключик, воскликнул я и показал ему за спину. Там висела картина, на которой был изображён человек с очень похожими на Р. восточными чертами лица и в позе, очень похожей на позу «портала».

Р. признал, что не узнаёт эту картину.

— А ведь сейчас важный момент, - продолжал я, - как же может быть, что тебе его не показали?

Р. пришлось признать, что ему необходимо отказаться от своих сверхъестественных путешествий, но проблема в том, что он уже не может выйти из этого состояния, когда в него самопроизвольно впадает. Я поделился опытом, как избегать подобных вещей. Первое – это жестикуляция и мимика, на которую указал Старина. Нужно стараться избегать характерных телесных движений, заводящих в знакомый «портал». Точно так же нужно стараться избегать и характерных мыслей, которые возникают при попадании на пограничье, с которого утягивает в запредельные области. Но самым важным является, конечно, собственное большое нежелание туда опять попасть, а если попадаешь, большое желание выбраться, отвлечься, прерваться, потому что притягательная сила очень велика.

Я предложил поделиться собственным опытом в этой области, а Старина своим опытом клинической смерти, что означало неизбежное впадение в соответствующее состояние, а потом предполагалось совместно выйти из него и таким образом научить и Р. выбираться, но всё же мы не решились проделывать этот эксперимент – последствия подобных действий не очень ясны.

К концу разговора Р. настолько умиротворился, что заснул.

Собственные испытания в данной области выпали мне на 97-й Психоделический Новый год в мае 2006 года.

С самого начала трип, который я проводил дома у Росянки и Н., оказался весьма мощным – видимо, расчёт вещества был не очень точным. На исходе восьмого часа я получил от супруги СМС примерно следующего содержания: «Да растворись ты в космосе уже. На Земле так мучаешься...», что послужило одной из важных причин, направивших трип в знакомый мыслительно-чувственный лабиринт, надёжно приводящий к выносу в иные области психического бытия, причём стремительность, с которой происходило это движение, была велика как никогда, соответственно, и последствия должны были стать самыми серьёзными.

Снова, с необычайной на этот раз силой, меня поманил на столкновение с собой мощнейший эгрегор любви к женщине, наиболее эмоционально и аксиологически наполненный для меня, возник даже некий обращённый к себе текст: «Что, ты снова очень хочешь узнать, что для тебя является главным во всей ясности, присущей ему когда-то, в самый экзистенциальный момент твоей жизни, увидеть пропасть, разделяющую это главное и всю твою последующую жизнь и таким образом испытать вновь самую сильную из доступных тебе эмоций? Тебе было мало предыдущих столкновений? Тебе интересны невиданные до сих пор последствия?» Осознание ситуации и весь предыдущий опыт

показывал, что я должен предупредить о возможных последствиях и посоветоваться касательно дальнейших действий с Росянкой, что и было незамедлительно проведено. Я описал, что скорость движения очень велика и что я в определённый момент могу, по меткому замечанию из СМСа «раствориться в космосе». Поскольку подобный опыт я уже имел в каком-то объёме, можно было с большой степенью достоверности обещать, что всё происходящее останется в пределах специальной, закрывающейся на ключ, комнаты, без необратимых последствий, более того, я не буду в ней оставаться один, будет осуществляться полный контроль за происходящим. Но. Поскольку меня настораживает и стремительность запущенных процессов, и их необратимость, и вообще, я не уверен в правильности происходящего, возможно, следует попытаться этот механизм заблокировать.

Росянка высказал следующую мысль. Если есть хоть малейшие сомнения в необходимости совершения неких действий, лучше их не совершать до выяснения точной природы этих сомнений, следует определить, что именно их вызывает, и совершать дальнейшие действия исходя из установленного.

Более того. Остановиться на достигнутом, освоиться на том месте, до которого дошёл, и не бросаться дальше, в пучину неизведанного, всегда предпочтительнее, поскольку из неизведанного можно не вернуться, а механизм происходящего ясен только мне. Если я сам смогу «раствориться в космосе» и оставлю остальных в неведении относительно метода, спасу себя сам (если, конечно, это будет спасение) без предоставления такой возможности другим, что ж, это будет мой выбор. На это я возразил, что мне неясно, какое значение может иметь здесь скорость и почему медленная скорость лучше, чем быстрая, если результат неизбежен. Запущенный механизм должен либо разрешиться естественным, логичным для него путём, либо мы его блокируем, прервём, переломим, и это будет неправильно, неестественно.

Это, в свою очередь, ещё больше насторожило Росянку, он отметил здесь большое сходство с историей Р., и именно в детерминистской его части, в части «неизбежности». Действительно ли у меня нет выбора относительно «портала», в который я «должен» попасть, действительно ли я не имею никакого выбора относительно своих дальнейших действий, или всё же я могу поступить в соответствии с тем, как считаю правильным и необходимым, даже если это правильное и необходимое не будет совпадать с тем, что «должно» произойти вследствие неких ранее совершённых действий?

Тут я признал, что, действительно, несколько путаюсь, возможно как раз из-за влияния «своего» «портала», и это ещё больше склоняет меня к отказу от его прохождения, каким бы необходимым оно ни казалось.

Итак, мы выбрали блокировку процесса.

Выяснилось, однако, что трудности на этом только начались. Потому что любые известные мне возможности такой блокировки оказались недейственными. Мы попытались отвлечь меня от мыслительно-чувственного комплекса, ведущего в «портал» - болтовнёй собеседника, моей собственной, даже чтением и комментированием некоторых текстов, включая священные тексты, мной и другими, в частности евангельским текстом об искушении Христа сатаной, но ни это, ни некоторые другие предпринятые шаги не помогли.

Я вспомнил, что именно Старина однажды смог отследить и, если не прервать, то заставить усомниться в необходимости подпадания в это состояние его обличением, мы с ним тогда ругались, и мне показалось именно «поругаться» со Стариной хорошей возможностью прервать процесс.

Однако я не смог дозвониться и вспомнил, что ни разу, когда в разнообразных состояниях я ему звонил, чтобы свериться, соответствует ли мой внутренний Старина, с которым я веду внутренний диалог, внешнему, настоящему Старине (о таких созвонах мы неоднократно договаривались), ни разу, когда я таким образом я пытался дозвониться, этого не произошло. Я вспомнил некое наблюдение, выведенное мной однажды в связи с

этим. Старина надёжный человек. Но из надёжных людей такого рода, что они надёжны, когда не надо, и в том, в чём не надо, а когда действительно требуется их помощь и участие, они проявляют надёжность обратного рода - ни помощи, ни участия абсолютно точно с их стороны не будет.

С этой мыслью я сделал ещё одну попытку дозвониться и дозвонился. Взяв трубку, Старина нарушил вышеупомянутое правило - построенная неизбежность была разрушена, была явственно проиллюстрирована постоянная ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА, в которой возникли было сомнения, стало понятно, что ВОЗМОЖНО преодолеть неизбежность попадания в портал, так же как в случае с Р. было указано на его портрет, и это было первым и важным доказательством невозможности всё предвидеть, ложности детерминизма.

Таким образом был преодолен первый, самый сложный этап блокировки портала.

Я назвал его условно 1 ЭТАП - ЧУДО.

Следующим важным этапом было отделение силы эгрегора от него самого.

Мы с Росянкой установили, что существует некая крайне важная для меня вещь, столь важная, что только при непосредственном столкновении с ней я оказываюсь в пограничном состоянии, однако возникновение некоей силы притяжения к ней, настолько мощной, что она даже создает иллюзию невозможности выбора, очень настораживает. Важно отметить, что состояние моё при этом - всегда состояние полного поражения, я абсолютно бессилен перед этим эгрегором, и частое столкновение с ним ведёт к возможному рабству у него, служению ему, тогда как благо притягивать к себе не может.

Таким образом был пройден 2 этап - СИЛА.

На следующем этапе возникло понятие вектора. Если благо не может к себе притягивать, если Бог не может тащить к себе насильно, тянет к себе сила, а природа любой силы - подчинение, не значит ли это, что собственное направление, собственный вектор должен быть направлен в сторону отрицания - от этого сомнительного плюса?

Нет, отторжение силы отнюдь не задаёт определённого направления, движение к благу не всегда непременно является движением вообще, а понимание того, что им является, не должно связываться исключительно с силой чувства, вызываемого непосредственным соприкосновением с самым важным в жизни.

Сила, в том числе сила чувства, безусловно, один из важных факторов, влияющих на общее направление, но он не является единственным и совершенно не обязательно должен ориентировать как «к себе», так и «от себя» - не следует ни полностью отказываться от него - это невозможно, ни полностью погружаться в служение ему - это опасно вдвойне.

Итак, завершающим стал 3 этап - ВЕКТОР.

Я подошёл к кульминации своего повествования – крымскому выносу, не сопоставимому по силе ни с чем до сих пор происшедшим. В его ходе я полностью расстался с так называемым реальным миром и пребывал в полной уверенности, что больше никогда в него не вернусь, и когда всё-таки вернулся, очень удивился. Постараюсь изложить происшедшее со всей возможной точностью, но сразу оговорюсь, что последовательность событий, связь между ними и моё тогдашнее понимание данной связи не поддаются полному и достоверному восстановлению. Кроме того, это был опыт, вызвавший мои наибольшие сомнения относительно своей природы.

Итак, в августе 2006 года мы почти всей сектой отдохали в Симеизе, точнее, в палатках на камнях под горой Кошка, что между Симеизом и Кацивели. Накануне запланированного трипа я острил, что мне необходимо четыре дозы, никак не меньше. Так и вышло. Незадолго до этого мой поставщик подарил мне пустой нафтизиновый пузырёк, в котором когда-то перевозили ЛСД. Как я узнал впоследствии по нескольким подобным опытам, в таком пузырьке оказывается обычно никак не менее двух доз. Ещё две перед дорогой в

Крым туда вылил Росянка. Когда мы открыли пузырьёк, в нём было абсолютно сухо. Я много слышал о том, что вещество от хранения «не в холодильнике» «портится» и «слабнет», а тут уж вовсе высохло, в общем, я решил дать остальным участникам трипа (благо, веществом распоряжался я) сохранившиеся при перевозке в шприце три дозы на четверых, а для себя скромно промыть пустой пузырьёк и пустой шприц с колпачком, в котором тоже остаётся обычно чуть менее одной дозы. Вещество не испортилось. Сколько точно там было, сказать не могу, могу сказать только, что ни до ни после такого количества столь чистого вещества мне принимать не приходилось.

Чувствуя, что меня выносит, я осторожно поинтересовался у Росянки, достаточно ли друзьям досталось. «Нам-то что! Тебе-то, главное, досталось?» – иронично отозвался Росянка. «Немножко» – ответил я со всей возможной непринуждённостью. Ещё я успел поделиться с Росянкой ощущением счастливого социального устройства, при котором каждому достаётся по потребностям. «Коммунизм» – смог я выдавить из себя полушёпотом. Он понял меня по-своему. «Да уж. Голые люди сидят на камнях». Потом у меня сильно повысилась раздражительность и нервозность, сначала их вызвала болтовня племянницы, а примерно через полчаса после приема по несчастному совпадению в близлежащем кацивельском аквапарке начался концерт Верки Сердючки – это было слышно по многократно усилившемуся живому звуку и характерным солёным шуткам в адрес каких-то зрителей.

Мне это очень не понравилось, и я отреагировал весьма бурно – громко вслух начал рассуждать на следующую тему. Вот, наконец, я нашёл место, где чувствую себя абсолютно комфортно и покойно и покидать его мне никак не хочется. Но соседями оказываются люди, которые имеют достаточно средств, чтобы при помощи агрессивно-бессмысленных звуков помешать моему отдыху. Я отсюда уходить никуда не собираюсь. Они, похоже, тоже. Примириться с их действиями я не могу, воевать с ними не хочу, потому что не знаю, имею ли право участвовать в каких бы то ни было военных действиях. Но на каком уровне, как донести до них, что их деяния не гармонируют с остальным творением божьим, ни по виду (сине-жёлтые кишки, как злокачественная опухоль на зелёно-буром теле гор), ни по звуку (Верки-Сердючкины экзерсисы), ни по сути (коммерческая гидра развлечений, купание за деньги на берегу моря)? Где находится у этих людей их самое важное, чтобы при обращении к нему они увидели гнусность своих деяний и прекратили их? Мы же умные люди, как можем мы убедить их, что их свершения не приведут их к благу? Не стоит ли пойти в аквапарк прямо сейчас и пообщаться с местной администрацией? Или, может быть, обратиться непосредственно в контролирующие инстанции? Или ещё выше? Но не будет ли это превышением наших полномочий? Проходящие мимо отдыхающие тоже оказывались в поле моего внимания. Я обращался и к ним:

– Вам нравятся эти звуки? Не проходите мимо, поучаствуйте в мирной дискуссии.

Но они шли дальше, не решаясь ничего отвечать на мои выпады. И правильно делали. Меня окончательно стало выносить.

- Нет. Я не хочу ни с кем сражаться, - повторял я. Я не знаю, где уровень ответственности. Где уровень? Чем выше уровень, тем больше ответственность.

Росянка сказал с обеспокоенной сосредоточенностью:

– Если у тебя сегодня битва, выбери правильного противника.

При очередных коробящих звуках я вскричал:

– Что ж мне, Антихристом себя объявить, что ли?

И тут случилось дежа вю. Характерно, что ни в этот момент, ни позднее я не вспомнил разговор с Р. про дежа вю. Осознание, что наши с ним истории оказались связаны этим общим понятием, пришло значительно позже, прошло не менее двух месяцев. Очевидно потому, что вещи, которые с нами происходили, происходили принципиально по-разному.

Он, как я понимаю, в трипе столкнулся с предсказанием относительно своего безысходного будущего, и потом оно сбылось. Я же в тот момент вдруг ясно УЗНАЛ ситуацию,

в которой нахожусь. Я понял, что всё это мне знакомо, причём не просто знакомо: в тот момент, когда это уже случалось, я тоже узнавал происходящее. Это было подобно зеркалам, отражающимся друг в друге, образуя бесконечную вереницу, нескончаемое число миров, в которых это происходит. Если обычно мы слышим о радости узнавания, здесь был ужас узнавания.

Я закричал, глядя на Росянку:

— Я это помню! Не смотри на меня так! Я помню этот твой взгляд и эту твою шапку!

Во взгляде его читалось суровое древнее осуждение. Происходил суд, Страшный суд, на котором мне, как обычно, выпала роль подсудимого. Этот людской полукруг вокруг и выше меня на камнях и один камень слева, пустой, что-то вроде места вынесения и исполнения приговора, всё было исполнено знакомым последним смыслом. Более того, я прекрасно помнил, что должно произойти далее. Меня побреют налысо и после этого я должен броситься вниз с обрыва. В ужасе я сообщил о своих открытиях судьям, черты лиц которых стремительно изменялись, покрываясь орнаментами, глаза и ноздри расплывались, подобно цветастым кругам на воде или узорам в визуализациях программы Winamp.

Мы с Росянкой были двумя сущностями, находящимися у истоков мира, он был моим отцом-творцом, а я злым созданием, отпавшим от него, противобогом, наше взаимодействие породило когда-то мир, я находил себе в этом оправдание и предлагал сделку – в эту очередную нашу встречу сотворить совместно новый мир, снова, как обычно. Вероятно, это удалось бы нам при помощи известной практики – смотреть друг другу в глаза. Возможно, слияние и порождение нового удалось бы при помощи какого-то телесного контакта.

— Нет, целоваться мы с тобой не будем, - сурово ответил судья-отец.

Участники суда смотрели на меня сочувственно. Я понял, что пришёл конец мира, очередного мира. Помню, с каким сожалением я смотрел на свой сотовый телефон и понимал, что снова, в очередном мире, достигнута ступень развития, при которой возможны мобильные телефоны, и что это в очередной раз ничем мне не поможет.

Я оказался самой последней душой, идущей, наконец, к Богу, это райское место оказалось неким бесконечным финалом жизни, реплики проходящих отдыхающих в мой адрес, казалось, это подтверждали, где-то неистово кричали петухи, и тут я осознал, что не всё, что я хочу, здесь возможно, более того, всё меньше моя связь с миром и всё меньше возможностей заполучить то, что я желаю. К примеру, я захотел видеть жену, но мне сообщили, что это уже для меня невозможно. Я захотел, чтобы изменилась погода, и было другое время года, более прохладное, но становилось только жарче. Последние желания подсудимого здесь не выполнялись. Я понял, что с раем это место имеет мало общего.

— А, так я в Аду? Кайф полный!

Что же я должен предпринять? Я продолжал изворачиваться в качестве собственного адвоката, пытался зацепиться хоть за какую-то ценность, хоть за какое-то понятие, продемонстрировать их знание. Но все понятия и ценности, которые я вспоминал, вызывали у судей только один жест - они горько покачивали головами, как будто я не понимаю относительно себя какую-то элементарную, но крайне важную вещь. Я оглядывался вокруг и обнаруживал своё знание этих ныне пустых понятий и ценностей:

— Язык? Национальность? Дружба? Любовь? Бог? Пол?

На каком-то из этих понятий надо было сосредоточиться, надо было сотворить на нём медитацию, полностью сконцентрироваться, слиться с ним. Я смотрел для этого на свой указательный палец, проваливался внутрь него, взгляд скашивался в правый нижний угол обзора, сам я, сидя на земле, принимал позу, будто пытаюсь нырнуть в сторону ног, и каждый такой нырок, казалось, рождал меня в новом мире, но я всё оставался в том же положении, на вершине под деревом, наделённый какой-то страшной и очень тяжёлой

миссией.

Сочувственные взгляды окружающих показывали, что я избран для этой невыносимости, пришёл мой черёд творить мир, мой черёд держать на себе его страдание, я попал, наконец, на тот самый высший уровень, самый ужасный уровень абсолютной ответственности за всё, уровень вне времени, на котором уже был, но которого не помнил, на котором нахожусь вечно и никуда с него не сойду, в который раз пришла очередь для моей души потерпеть ужасную роль демиурга, и каждый мой особый жест пальцев, раскрывающихся из горсти, порождает новые миры, и каждый мой особый ныряющий жест в сторону ног рождает меня в мирах.

Выходя ненадолго из цепи перерождений и миров я снова видел колышущиеся травинки, скалы, дерево в камнях, море с руинами какого-то сооружения на сваях вдалеке – самую древнюю и единственную из возможных картин «вне мира».

Рядом со мной сидел супруг моей племянницы по прозвищу Ангел. В трипе его образ приобрёл, действительно, черты Ангела Карающего, от имени Творца он обращался ко мне с грозной обвинительной речью:

— Человек, ты понимаешь, что с тобой?

Стараясь соответствовать своей роли, которую не очень понимал, я кротко кивал.

Постепенно понятия и слова языка стали исчезать, заменяясь какими-то рудиментами слов, отдельные значимые элементы стали производить слова, не имеющие собственного значения. Я пытался сказать что-то, но это было более всего похоже на детский лепет, уже почти осмысленный, когда ребёнок уже знает, что речевой поток делится на слова, как строятся слова его языка, и очень похоже повторяет за взрослыми новые для него понятия, но проговорить правильно не может и не понимает их.

Воспроизвести их здесь для читателя не представляется возможным, потому что они не имели законченной формы, а менялись от попытки к попытке что-то выразить. Возможно, в детстве у меня действительно существовали такие слова, и в кризисной для психики ситуации они всплыли. Можно только догадываться, откуда взялись то ли РАЗДРАЛЮЩИЯ ТРУСЕНИЦ, то ли ЗАЛЕГАДСКАЯ БУЗНИЦА, или что-то вроде ВГЛЯШУТНАВИЧ-НЫЙ, видимо, из очень ранней поры овладения языком, во всяком случае, говорить внятно я окончательно перестал.

Попытки медитировать на палец, исчезнуть, слиться с солнцем приводили к очередному провалу в переживание цепей творений и перерождений. Я оказывался в любой роли – от самого главного демиурга до малейшего винтика в механизме Вселенной, и каждая роль оказывалась полной величайшего страдания и ответственности. Демиург отвечает ЗА созданные им миры страданий, создание отвечает ПЕРЕД творцом за своё существование.

"Отчего, – вопрошал я, - творятся нижние миры, в чём причина возникновения адов?». «Ты сам их творишь, – приходил ответ, - их природа обусловлена их местонахождением – они дальше всего от Творца». «Как же вырваться из страдания? Я хочу прекратить его, упразднить». «Нет ничего проще – сияющая пустота есть освобождение». И я видел, что в сияющей пустоте, в безмирии, в отсутствии воплощения просто СКУЧНО.

Актом творения я творил мир и тем самым – себя. Новый жест раскрывающейся горсти, от которой разлетаются миры – одновременно очередная Вселенная, вмещающая в себя вселенные, которые фракталообразно вмещают в себя ещё бесконечное множество вселенных.

Вселенные были живыми, всё, что их составляло, тоже было живым, я переживал все возможные судьбы, и это была моя собственная судьба, всякий раз новая и неповторимая, узловое же их моменты были общими.

Очнулся я внезапно. Никогда ни до, ни после действие ЛСД не прекращалось так резко – как будто я внезапно проснулся после глубокого сна. Причиной пробуждения

были проходящие мимо и мирно беседующие отдыхающие. Я лежал всё на том же месте – под «вечным» деревом на «вечных» камнях суда, передо мной разворачивался всё тот же «вечный» пейзаж со скалой, на которой проросло небольшое деревце и развалинами на сваях вдалеке в море, но вид этот больше не приводил меня в ужас.

Солнце уже зашло.

Итак, казалось бы, ЛСД снимает шелуху мифологии, редуцирует всё существующее до единственно нередуцируемого, любви, и доказуемо выводит память на всё более и более ранние уровни – детство, рождение, дородовой период и теперь, наконец, трансперсональный опыт, воспоминание ещё более раннее, соотносящееся уже не с данной личностью, а с некими архетипическими сюжетами мировой драмы, где «я» оказывается во множестве ролей.

Есть, однако, очень существенные соображения, которые заставляют усомниться в «истинности» данного «откровения». Они касаются всё того же вопроса ДОВЕРИЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОМУ ОПЫТУ. Прежде всего, не вызывает доверия моя компетентность в вопросах однозначной интерпретации подобного рода вещей. Нет однозначной интерпретации – нет и полного доверия. Но в данном случае важнее даже другое: важнее моё ПРАВО на недоверие.

Одно дело, если некое откровение или знание (такое, например, как обретение смысла жизни в любви) поддерживает человека, даёт силы, наполняет жизнь радостью и осмысленностью, помогает при столкновении с трудностями и иногда просто является единственным, на что можно опереться под ударами судьбы, не теоретической судьбы отвлечённого персонажа наших разглагольствований, а своей собственной. И совсем другое – если знание о некоей высшей «истине» ввергает человека в пучину ужаса и безысходности. Может, тогда и не стоит её знать? Чем эта «ужасная истина» может помочь мне в моей жизни при решении моих задач? Зачем оно нужно?

Это ведь не просто знание о несовершенстве мира или даже о конкретных чудовищных проявлениях этого несовершенства, это знание о том, что мир В КОРНЕ устроен чудовищно. Скучающее божество творит для собственной реализации мир, полный страданий (страдания – непрменная особенность тварного мира, поскольку имеющее начало имеет и конец, кроме того, на каждой ступени бытия существует бесконечная ответственность за «нижестоящих» и перед «вышестоящими»), затем, по мере избавления существ от страданий, мир исчезает, затем цикл повторяется. Весьма безблагодатная онтология. В ней нет места Троице, которой не может быть «одинок», не существует такого понятия, как эманация (благо не убывает по мере отдаления от высшей сферы к низшей и возвращается к ней) и так далее. Такая позиция не просто не несёт практической пользы – она прямо вредна и обходит один известный вопрос.

Если мироздание в основе своей ужасно и безысходно, откуда тогда в нас понятие о добре и стремление к нему? Откуда тогда берётся сам этот вектор от тьмы и безысходности к свету и любви, откуда понятие о просветлении? И даже если такой вектор – это человеческое изобретение, что вызывает большие сомнения, почему бы им не воспользоваться для этого самого просветления?

Поскольку достаточно убедительно звучит мысль, что творцом реальности является сознание, которое эту реальность воспринимает, или, по крайней мере, со-творцом, поскольку никакой объект не существует без субъекта восприятия, стоит, вероятно, творить или со-творить благую реальность, реальность ХОРОШЕГО, чем реальность, в которой всё плохо, причём не где-нибудь, а на онтологическом уровне.

На мой взгляд, это достаточное доказательство мифологичности пережитого, того, что это всего лишь маловразумительная и даже просто неверная ИНТЕРПРЕТАЦИЯ неких

тонких процессов, которые осознавать и интерпретировать я ещё просто духовно не дорос. Доказательство ОТ ХОРОШЕГО.

Другим доказательством ложности явленного мне «откровения» могло бы являться то, что про многое из «показанного» я читал или слышал и раньше (в частности, что рай и ад – одно и то же место, выбор именованья зависит от восприятия). Да, если я об этом слышал «в теории», и нечто похожее вижу «на практике», вполне возможно, оно неким образом является продуктом моего сознания, как во сне причудливым образом предстают дневные впечатления, меняются, искажаются, виданное превращается в невиданное и т.д. Но проблема в том, что тут же возникает сразу несколько вопросов, которые могут ввести даже в состояние дежа вю. Когда именно раньше я об этом знал или слышал? В этой ли жизни? Кто такой в данном случае «я», который знал это знание, и кто такие «мы», если вообще можно говорить о таком понятии как «мы»? «Люди, переживающие духовный опыт, или духовный опыт, переживаемый людьми»? Или вот ещё цитата. «Откуда попадает душа в тело и куда она потом деваётся, достоверно неизвестно».

На мой взгляд, состояние дежа вю не вполне точно названо «уже виденным», потому что понятие времени в данном случае весьма условно. В момент дежа вю происходит полный разрыв со временем, это не «здесь и сейчас», относительно которого существует прошлое и будущее. Скорее это состояние можно назвать «всегда и везде» – архетипическая ситуация, когда чувствуешь мощный резонанс с мирозданием, ощущение многомирности и одновременного присутствия во всех мирах (либо во всех сознаниях, что то же), столь бесконечного отражения в двух зеркалах, расположенных друг напротив друга, что становится ясно отсутствие отражаемого.

Возникает это как воспоминание, «я это помню», но тут же вспоминается, что тогда тоже было дежа вю, и так бесконечно. Конкретно вспомнить момент не удастся, можно сказать, что это воспоминание «как о том, что было во сне», но действительно ли это снилось и когда, достоверно тоже сказать невозможно. Потому что в данном случае речь идёт скорее о «многомирии» и «множественности и единстве сознания», а не о времени. При указанном резонансе происходящее оказывается значимым не только для данной конкретной личности, но для всех, кто это переживает, но разные ли это сознания или одно, неясно. Тем более неясно, соотносить ли эти миры или сознания как «предшествующие» и «последующие», либо как «высокие» и «низшие», либо как «более просветлённые» и «менее», поскольку большим вопросом является, имеет ли здесь место множественность вообще, вполне вероятно, всё едино – в этом убеждает прежде всего доверие ощущениям – «я» вспоминаю, следовательно, это «было» со «мной».

Поворачиваем картину иначе: состояние дежа вю намеренно вызывается при помощи переживания глубокой значимости происходящего – известная всем практика под названием «здесь и сейчас» ещё более радикально работает, если понимать её как «всегда и везде». Каждое данное ощущение, оно ниоткуда не появилось и никуда не исчезнет ни во временном ни в пространственном плане, поскольку одновременно существует множество миров и сознаний, где происходит то же самое, всегда существовало и всегда будет существовать, при том, что и сознание, и мир сохраняют единство и единичность. «Мой» опыт – это и единый опыт тоже, а «моё» сознание – и едино, и делимо. Я имею в виду скорее известную фразу Роянски «Мы все растём из Бога», чем шизофрению.

К вопросу о «мы». Кто такие «мы», вопрос очень интересный и деликатный. В последний год мы с Роянкой много его обсуждали. Роянка, в частности, выказывал опасения на предмет психоделического опыта прежде всего в связи с «сущностями», которые встречаются при его прохождении, о подобных собственных опасениях и я уже упоминал на этих страницах. Как я уже говорил, кто это такие, те, с кем мы сталкиваемся в «путешествиях», достоверно неизвестно, но есть некоторые основания полагать, что если они могут вступать с нами в контакт, стало быть, в некотором смысле они нам соприродны.

Большой нескромностью мне кажется мысль, что соприродные нам существа являются к нам из высших миров и оказывают нам знаки внимания, есть подозрение, что они тоже обитатели здешнего не вполне совершенного мира. Подозрение это основывается на том, что не добродетельной жизнью и аскетическими подвигами достигнуто общение с подобными «сущностями», а не вполне понятно работающими механизмами химии мозга. Как «таблетки для ума», так и, тем более, «таблетки для просветления» – средства с достаточно сильным действием, но достижения, вызванные им, весьма сомнительны.

Росянка обращает внимание на другую сторону этой проблемы – человек не только общается с «сущностями», которые проступают за известными ему доселе людьми подобно неким весьма старым знакомым из другой реальности, либо приходят в качестве самопроизвольных ответов на задаваемые вопросы, либо даже появляются в виде неких самостоятельных образов. Он позволяет «сущностям» пользоваться своим телом для общения с людьми. «Когда ты в подобном состоянии, я вижу, что со мной разговариваешь не совсем ты, или, возможно, совсем не ты». Очень хорошо это видно при общении с так называемыми одержимыми, сумасшедшими, которые при диалоге с человеком могут очень точно указывать на личностные проблемы, которые никому, кроме этого человека, известны быть не могут (А. и Росянка за очень короткий промежуток времени в две недели летом 2007 года дважды столкнулись с не вполне вменяемыми людьми, которые в непринуждённой и очень странной беседе смогли сильно их напугать, затронув все их основные теперешние жизненные сложности). В таких случаях становится понятно, что одержимый не сам общается с человеком, причин беспокойства которого знать не может, а служит передатчиком для того, кем он «одержим». Кто это такой или такие, какова их природа и с какой целью они вступают в контакт, тоже не вполне ясно.

Так считает Росянка. Я же обращаю внимание на следующие вопросы.

А кто такие «мы»? Разве не те же «сущности», которые пользуются телами для «воплощения», для возможности проявиться, реализоваться и общаться? Насколько «наше» тело принадлежит «нам»? Каков «наш» возраст? Ограничен ли он телесным существованием или нет? Где находятся «они», пока не вселяются в «чужое» тело, и, самое главное, есть ли какие-то принципиальные отличия между «нами» и «ними»? Когда мы общаемся между собой, может ли общение происходить на другом уровне, нежели уровень нынешней телесности, или это продолжение разговоров, которые велись до нашего телесного рождения или в некоей другой реальности?

Однозначных ответов на эти вопросы быть не может, ясно однако, что с поисками таких ответов связаны большие опасности. Как писал Игнатий Брянчанинов, «для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и гибели заключается в решительном отречении от всякого видения по совершенной неспособности к правильному суждению о нём» («О чувственном видении духов»).

И здесь возникает проблема, на которую я хотел бы обратить особое внимание. Проблема диалога. Известно, что диалог – один из мощнейших способов познания. Именно в диалоге открываются и кристаллизуются новые взгляды, новые подходы, известное и несомненное открывается другими сторонами. Я уже упоминал о внутреннем диалоге как способе разговора с совестью, постановка себя на место взыскательного собеседника – едва ли не самый привычный способ подобного общения. Мы общаемся не только с собеседниками, которые могут привести неожиданные возражения, или с собой – одушевление мира происходит через обращение и к бессловесным тварям, и к стихиям, и к предметам.

Стремление к благу связывается во многом с его всё более совершенным познанием, просвещением его светом, когда тьма невежества и безблагодатности отступает. Гармонизация происходит не только и не столько за счёт внесения изменений в «действительность», сколько при помощи изменения собственного взгляда и совершенствования собственного разума в этом направлении. Одним из важных способов, приводящих к этому, конечно, яв-

ляется диалог. Возможно, именно при помощи диалогов, продолжающихся из воплощения в воплощение, наши древние сущности находят ответы на коренные вопросы, связанные с просветлением и высвобождением.

Однако опыт показывает, что диалог является одновременно очень опасным инструментом, особенно на пике психоделического опыта – слова собеседника могут быть неправильно проинтерпретированы, могут показаться принадлежащими некоей иной сущности, которая говорит его устами, или его собственная сущность может быть увидена в ином, архетипическом свете, может быть услышано и вовсе не то, что говорится. Но самое страшное – это слуховые галлюцинации, когда НИЧЕГО не было сказано, но очень многое слышится и интерпретируется. И А., и Р., и я неоднократно сталкивались с этим феноменом. Праздничное пение петухов во время крымского трипа – самый невинный пример такой галлюцинации. Другое дело, если вопросы, полные непонимания и отчаянной надежды, получают крайне зловещие мнимые ответы, которые не имеют ничего общего с утешением, не говоря уже об искомом просветлении.

В таких случаях по примеру всех знакомых мне духовных практик я бы рекомендовал внутреннее безмолвие.

Часто мне встречался и другой подход: если чего-то боишься, следует непременно встретиться со своим страхом лицом к лицу. Считается, что таким образом можно его осознать и «проработать», найти его «корни» (возможно, в детстве или в бессознательном) и самую главную его болевую точку, нерв, понять, причиной каких проблем личности и жизненного пути он является и т.д. И тем самым или вследствие этого преодолеть его, не циклиться более ни на нём, ни на его последствиях. Более того, даже само намеренное ПЕРЕЖИВАНИЕ своего страха или страхов уже само по себе полезно, это что-то вроде закалки души ледяными ощущениями, подобно закаливанию организма холодной водой, так что постепенно возникает привыкание и страх отступает.

Росянка справедливо сравнивал такой подход с детским «давайте пойдём бояться на чердаке». Все известные мне примеры прямого столкновения людей со страхами «в чистом виде», с самым главным их «нервом», включая мои собственные столкновения, заканчивались поражением и только поражением.

Каков мой собственный узловый комплекс страхов, читателю, думается, уже понятно. Я бы сформулировал его следующим образом: это страх непреходящих мук совести, ОДИНОЧНОГО ада, как возмездия за предательство любви. Сколько я ни сталкивался с ним впрямую, поражение было абсолютно полным и очевидным.

В августе 2007 года произошёл последний связанный с этим серьёзный вынос у приятеля моего брата на даче. Причиной, как всегда, была жадность. Пол-велосипеда через час после приёма мне показалось мало, хотя, как я понял впоследствии, это было чуть меньше одной дозы, и я принял ещё половину. Ещё через час я решил добавить, но резать марку поленился, да и не по статусу это столь опытному психонавту, в общем, я съел ещё целую.

Последствия не заставили себя ждать.

Я не потерял окончательно связь с реальностью, как в Крыму за год до этого, но ощутил до подробностей все тогдашние страхи, и прежде всего страх ада.

Началось всё с того, что брату с товарищами вздумалось развести меня на таблетку экстази, которая оказалась у меня с собой. Забавляясь моей малой адекватностью, они затеяли со мной натуральный обмен на кислоту, и в конце концов за их смешками и прибаутками стали проступать знакомые образы суда.

Я сидел на утренней залитой солнцем траве, они стояли вокруг меня, но это были уже не они, и слова, которые они произносили, были уже не совсем их слова. Я взял себя в руки, отвёл брата в сторону и выяснил, наконец, что им от меня нужно, потом сказал, чтоб забирали таблетку и больше меня так не пугали. Но процесс «измены» был уже запущен,

за человеческими личинами оказались демонические сущности. Единственной сущностью светлой или, по крайней мере, той, что может мне помочь, мне казалась случившаяся там же и спавшая на втором этаже моя гостья из Киева. Я пришёл к ней, разбудил и стал просить отвлечь меня от ступора болтовнёй. Спросонья ей, конечно, не хотелось болтать. Может быть, и к лучшему, потому что мне начало казаться, что через неё со мной говорит Бог. Тут я получил тревожный смс от А., обрадовался, что товарищ по несчастью тоже не спит, и немедленно позвонил. Состоялся весьма бесполезный диалог, вроде того, что «как дела?» – «ну, честно говоря, плохо» – «у меня тоже», после чего наступило молчание и я повесил трубку. «Сущности» (мне казалось, что эту мысль транслирует гостья из Киева) тут же заявили мне, что я напрасно обратился за помощью к такому же, как я, грешнику, а не к просветлённому и т.д.

Вообще вернулось всё – и древние камни, закручивающиеся в бесконечную винтовую лестницу к виселице, и «детские» слова, и попытки принять позу эмбриона, чтобы «нырнуть» в сторону ног, и скашивание зрения в одну правую нижнюю точку фрактала, и бесконечное вопрошание с бесконечными суровыми ответами, но главное и самое страшное было в том, что остановилось время. Я смотрел на часы всё на том же телефоне сколько угодно долго, но они не двигались. Я бесконечно спускался со второго этажа вниз, к забору, по малой нужде, поднимался обратно, ложился, закрывал глаза, и видел, что со мной происходит то же самое, даже если я лежу с закрытыми глазами – я спускаюсь к забору по малой нужде, поднимаюсь, смотрю на часы, и время не двигается.

Я пытался молиться, говорил, что понимаю, мне явлено чудо, чем-то в этой своей судьбе я заслужил такого странного её чудесного финала, неразмыкаемого порочного круга, в котором останусь навсегда, что я смиряюсь. Я слышал, как бесы за личинами брата и друзей внизу на свежем воздухе вслух обсуждают мои мысли и гогочут над ними. Когда я думал о том, что зациклился и не могу выйти из этого состояния и уйти из этого места, снизу доносились радостные комментарии: «Ну что, собрались?» – «Встали и поехали!» – «Ну что, в Москву?» – «Вот и я говорю, давно пора в Москву» – «Га-га-га-га-га!». Подобным образом каждый мой отчаянный мысленный призыв рождал небольшую репризу, иллюстрирующую моё бессилие и неизменно заканчивающуюся гогогом.

Все события повторялись прямо «здесь и сейчас» не один и не два раза, а бесконечное количество раз. Каждое мельчайшее действие рождало ощущение, что уже происходило только что, и до этого тоже, и до этого, и до этого. Я понимал, что это психоз, и что я не должен сейчас выдавать своё состояние, терпеть, тем более, что просить у бесов помощи совершенно бесполезно.

Наконец, по прошествии вечности киевская гостья стала собираться уезжать из гостеприимного места, и тут я явственно осознал, что время снова пошло. Я смог выбраться из ужасного «вне-времени», успокоился, всё встало на свои места, мы собрались и уехали.

Стоит ли мне снова принимать лошадиные дозы ЛСД, чтобы посражаться со своими внутренними бесами и научиться с ними справляться? Думается, нет.

Как уже упоминалось выше, Росянка говорил, что постоянное столкновение с сильным эгрегором ведёт в конечном счёте к рабству у этого эгрегора, а не к победе над ним. Ходить бояться на чердак ведёт не к исчезновению страха чердака, а к привычке к нему, что не одно и то же.

Большие количества психоделиков могут вводить меня в неконтролируемые состояния со всем букетом соответствующих страхов, но их ясное осознание и прямая встреча с ними несколько меня от них не избавляет. Да, я могу неосознанно выйти из такого состояния, «сам не знаю как», или осознанно, если полностью смиряюсь с ним и не пытаюсь вырваться и сопротивляться, но это несколько не решает проблему данных страхов. Они никуда не исчезают от того, что ясно осознаются (поэтому я не употребляю более неразумных количеств психоделиков и стараюсь делать это не чаще раза в сезон).

Во всех остальных известных мне случаях, с другими людьми, та же картина. Осознание страха не приводит к избавлению от него, «работа» с ним вызывает только данное мучительное чувство, и всё. Помогает обычно не концентрация на нём, но, напротив, возможность отвлечься от него, не думать о нём.

Если нет необходимости в повседневной жизни сталкиваться со своими застарелыми страхами, с демонами подсознания, будить в себе испуганного ребёнка, не следует, на мой взгляд, делать это намеренно. Если человека вводит в сумеречное состояние употребление любого количества триптаминов или фенэтиламинов, а такие люди мне встречались уже неоднократно, не следует пытаться делать это снова и снова, чтобы «привыкнуть» и «научиться с этим работать». Вероятность, того, что человек «научится», ничтожно мала и возможная польза от такого «обучения» сомнительна.

Точно так же сомнительна польза от распространённых ныне опытов с умопомрачительными передозировками психоделиков, которые формулируются обычно как «съел 500 грибов и всё понял», «побывал там, где никто не бывал», «увидел как есть» и т.п. Праздное любопытство становится ловушкой для самонадеянных. Познать можно всё что угодно, способов хватает, областей знания тоже. Однако никогда не следует забывать соотносить познанное с благом и с происходящим в собственной жизни, поверять, выражаясь по-восточному, есть ли в этом Путь.

Как уже упоминалось, термин «дежа вю» весьма неточен. Более того, само психическое состояние, возникающее обычно при дежа вю, на мой взгляд, является более общим случаем, по отношению к которому дежа вю – частный.

Затрудняюсь дать этому состоянию краткое ёмкое определение. Можно сказать, что это ощущение мощнейшего резонанса с мирозданием, которое может проявиться по-разному – как дежа вю, или как яркое переживание «здесь и сейчас» («езде и всегда»), или как осознание ключевого момента в судьбе, ощущение, которое присутствует и в том, что обозначают «подлинным бытием», «экзистенцией», и в том, что называют «мистическим опытом», «религиозным чувством», «откровением», «озарением», «инсайтом».

Здесь можно упомянуть вещие сны и сбывающиеся предсказания, архетипы, важнейшие для человечества мифы и религиозные воззрения, «проклятые вопросы бытия», понятие времени и его осознание, воспоминание как один из методов такого осознания и работу с ним, многое другое. Приведу некоторые примеры состояний, сходных с дежа вю по этому признаку.

- Вещие сны. Моя супруга рассказывала, что в течение последнего года видела вещие сны. Сначала ей снилась некая ситуация, проснувшись, она поражалась её необычности, и спустя время ситуация воплощалась в реальности. Надо сказать, что всякий раз это оказывалось решением застарелых проблем, их преодолением. Велико ли здесь участие подсознания или воли, судить сложно. Вероятно, велико. Можно также провести параллель со сбывающимися предсказаниями, о которых я писал выше. Однако и в том и в другом случае природа «предсказателя» и «демонстратора снов» остаётся не вполне ясной, так что не следует, на мой взгляд, однозначно воспринимать эти явления как результат работы только «собственного подсознания» или «собственной воли». Вполне возможно здесь участие и других «сущностей», влияний «со стороны» и проч., по крайней мере, такую вероятность не стоит исключать: известный и очень эффективный способ манипуляции – убедить объект, что он сам автор разыгрываемого с ним сценария.

Кстати, в литературе о дежа вю, с которой я менее внимательно, чем необходимо для исследователя, ознакомился, именно феномен вещих снов чаще всего связывается с дежа

вю и именно относительно «переломных моментов жизни».⁵

– Общечеловеческие мифы. Однажды под ЛСД я рассматривал репродукции картин Босха, и внимание моё привлекла картина «Ессе homo» - Иисус перед толпой, требующей его распятия. На заднем плане изображён современный художнику пустынный будничный городок. Через призму картины я увидел этот сюжет глазами всего множества знавших его людей, для которых он является центральной осью человеческой истории, людей из разных времён и мест, вплоть до того времени и места, откуда он берёт своё начало, и слова, которые у меня родились, были «он Бог, он точно Бог». Я увидел некий высший смысл, абсолютную истину, залог милосердия в том, что столько людей считает нищего бродягу, когда-то замученного и казнённого властями под улюлюканье толпы, Богом и понял, что для меня это тоже так и не может быть иначе.

В другой раз я пересказывал дочери мифы со сходными мотивами – миф об Икаре и миф о Люцифере, – и ясно ощутил, что это один из самых древних возможных рассказов, что мой голос присоединяется к невидимому и необозримому хору.

– «Воспоминание о настоящем». Ощущение времени, давности, древности, само понятие воспоминания можно прочувствовать и иначе, если представить настоящее глазами будущего разной степени отдалённости – как снимок на память, делая который, понимаешь, что его ценность для тебя и близких со временем будет расти.

– Беседы «о главном». Я довольно часто беседую с людьми, в том числе на «высокие» темы, и замечал за собой и за другими, что на пике рассуждения может «выносить», причём довольно сильно, если процесс вовремя не затормозить. Несколько раз в таких случаях у меня случалось яркое дежа вю, я понимал, что разговор, который ведётся, является продолжением, или повторением, или зеркальным отражением разговора, уже имевшего место, вплоть до реплик, которые должны сейчас прозвучать. Обычно в таких случаях я стараюсь сменить тему и не произносить «предначертанного», как для того, чтобы ещё раз осознать свободу выбора, так и для того, чтобы обойтись без излишних экспериментов с психикой.

Примеров, конечно же, больше. Думается, читатель и сам может припомнить не один случай из своей жизни, когда сталкивался с «вне времени». Не считаю, что в подобном состоянии следует пребывать постоянно, особенно если это затрагивает пограничные области психики, но регулярное упражнение в нём, на мой взгляд, важная часть любой духовной практики.⁶

Я не слишком люблю говорить с людьми о дежа вю. Сам такую беседу никогда не инициирую, чтобы тема не приобретала признаков мании. Однако внимательнее, чем раньше, прислушиваюсь к мнениям на этот счёт. Симпатичное мне отношение к дежа вю я встретил совсем недавно у одной из знакомых моей племянницы. Когда она испытывает дежа вю, это ощущение наполняет её счастьем – не страхом невозможности выбора, а свидетельством правильности выбранного пути, глубокой значимости происходящего в судьбе,

⁵Вот, например, говорит не-специалист: «Со мной подобные вещи происходят в переломные моменты моей жизни, вернее, предвосхищают их. Однажды мы ехали с коллегой в машине и обсуждали новый коммерческий проект. И вдруг я осознала, что этот разговор - именно в этой машине и с этим человеком, у меня уже происходил, и было это во сне. И что вы думаете? После реального разговора в машине на прежней работе сложилась такая ситуация, что вопрос о новом проекте встал как нельзя актуально! То же самое было со мной прошлым летом во Владикавказе: мы шли с другом детства по улице, о чем-то разговаривали. А ведь все это мне снилось два года назад! Даже разговор был тот же. Как ни странно, после той прогулки в наших отношениях с этим человеком случился «переломный момент»... Чем это объяснить? Я думаю, что подсознательно я чувствую перемену обстоятельств, и знание этого приходит ко мне во сне, а затем сбывается и наяву.» (<http://www.putksebe.ru/node/31>)

⁶Ср., например, «...Выход в архаическом ритуале в мифологическое правремя, время оно, в котором пребывает вершитель ритуала, находясь для внешнего наблюдателя в определенном промежутке физического времени» (Е.А. Торчинов. Религии мира: опыт запредельного, с. 71) или известный совет Силуана Афонского по вхождению в молитвенное состояние: «Забудем Землю и всё что на ней».

узловым её моментом, и появление таких моментов можно расценивать только положительно.

Этот подход представляется мне правильным. Радоваться явственно предпочтительнее, чем бояться. Однако никогда не следует забывать о слабости человеческой и не слишком рассчитывать на свои скромные силы – единственным верным средством от духовных недугов, сколько можно судить, является молитва, и не только уединенная молитва, но, поскольку все мы живём в миру, и молитва в храме.

2 марта 2008 г